

ДРЕВНІЙ
СОСЕНСКІЙ СТАНЪ

МОСКОВСКАГО УЪЗДА.

Д. Шепинга.

Печатано подъ наблюдѣніемъ А. И. Юшкова.

Свѣдѣнія о селеніяхъ и поземельныхъ владѣніяхъ на Руси рѣдко восходятъ далѣе начала XVII в., за исключеніемъ немногихъ владѣній, упоминаемыхъ въ болѣе древнихъ грамотахъ. Положительныя свѣдѣнія начинаются только съ писцовыхъ книгъ XVI в. и главнымъ образомъ начала XVII в. — 7130-хъ (1620-хъ) годовъ.

Московское государство въ административномъ отношеніи дѣлилось въ то время на уѣзды или волости; уѣзды, въ свою очередь, раздѣлялись на станы. Съ устройствомъ въ 1775 году губернскихъ и уѣздныхъ управленій, многія селенія возведены въ званіе уѣздныхъ городовъ. При назначеніи границъ этихъ новыхъ уѣздовъ, называвшихся сначала чаще всего округами, не приняты были въ соображеніе древніе станы и волости, которые такимъ образомъ разбились на два, а иногда и на три уѣзда. Вообще точныя границы древнихъ становъ чрезвычайно трудно опредѣлять, такъ какъ болѣею частію онѣ основаны, въ описаніяхъ становыхъ границъ, на названіяхъ урочищъ и пустошей, давно исчезнувшихъ изъ народной памяти; въ тому же нерѣдко пограничныя владѣнія считаются по разнымъ писцовымъ книгамъ въ разныхъ станахъ, которые объемомъ своимъ чрезвычайно различны, а иногда даже черезполосны между собой. Замѣчаются въ писцовыхъ книгахъ очевидныя пропуски цѣлыхъ имѣній, а въ особенности отдѣльныхъ пустошей, что, быть можетъ, происходило отъ того, что въ описаніе земель не входили такъ называемыя *порозжія* или *обмзжія* земли, земли ненаселенныя и не розданныя еще въ помѣстья, почему онѣ не подлежали никакимъ сборамъ и никуда не вносились. Изъ нихъ вырастаютъ въ послѣдующихъ межевыхъ и писцовыхъ книгахъ новыя помѣстья и вотчины—то отдѣльными пустошами, то новыми поселками, болѣею частію населенными бобылями, т.-е. одиночными батраками.

За исключеніемъ дворцовыхъ владѣній, земли дѣлились на помѣстья и вотчины. Первые раздавались служилымъ людямъ на прокормленіе, въ качествѣ жалованья подъ условіемъ службы, и отнимались („отписывались на государя“) въ случаѣ уклоненія ихъ отъ

службы; вотчинами же назывались родовыя имѣнія, жалованныя въ потомственную собственность или пріобрѣтаемыя покупкой. Кромѣ того монастырскія, архіерейскія и соборныя земли считались также вотчинами. Съ 1714 г., по закону Петра В. о единонаслѣдїи, разница между помѣстьемъ и вотчиной исчезаетъ.

Одно изъ главныхъ затрудненій въ межевыхъ и писцовыхъ книгахъ представляетъ точное опредѣленіе мѣстоположенія не только пустошей, но и селеній, давно уже исчезнувшихъ или перемѣнившихъ свои названія; въ послѣднемъ отношеніи весьма замѣчательно, что многія деревни, совершенно забывъ нынѣ свои официальные названія, сохранили прозвища отъ фамилій своихъ древнѣйшихъ писцовыхъ владѣльцевъ, вѣроятно основателей этихъ селеній; народная память въ этой двухсотлѣтней борьбѣ изустнаго преданія съ официальной письменностью въ концѣ концовъ взяла верхъ и во многихъ случаяхъ совершенно вытѣснила новыя официальные названія селеній. Многія неизвѣстныя мѣстности приходится опредѣлять этимъ путемъ изученія ихъ древнѣйшихъ владѣльцевъ: сельцо Никольское до сихъ поръ въ народѣ слыветъ, "въ отличіе отъ одноименныхъ селеній, Хованскимъ, въ память казненнаго при Софіи кн. Хованскаго; с. Настасьево, Покровское тожъ, по генеральному межеванію зовется нынѣ Валуевымъ; д. Саларева—Колчевымъ, Аносово—Горчаковымъ, Стучево—Уваровымъ и т. д. отъ фамилій своихъ писцовыхъ владѣльцевъ: Валуевыхъ, Кольчевыхъ, Горчаковыхъ и Уваровыхъ.

Съ послѣднихъ писцовыхъ книгъ 1709 г. до генеральнаго межеванія, производившагося въ Московской губерніи около 1767 г., въ продолженіи шестидесяти лѣтъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ подробныхъ описей селеній; но исторію переходовъ владѣній каждаго имѣнія мы имѣемъ возможность прослѣдить по дѣламъ Вотчинной Коллегіи, хотя, конечно, не всегда о каждомъ имѣніи тамъ свѣдѣнія сохранились.

Относительно подробныхъ описаній—плановъ генеральнаго межеванія, нельзя не замѣтить, что въ Губернской Чертежной ихъ сохраняется два экземпляра: одинъ болѣе подробный, а другой краткій; оба они, сообразуясь съ дѣленіемъ на уѣзды Еватерининскихъ временъ, составлены спустя лѣтъ 20 и болѣе послѣ самаго межеванія, какъ можно заключать по письму ихъ. Со времени закрытія Вотчинной Коллегіи (1785 г.) до изданія Нестромомъ въ 1850 году указателя селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи, мы не имѣемъ болѣе положительныхъ и полныхъ источниковъ, подобныхъ древнимъ писцовымъ книгамъ или „дачамъ“ Вотчинной Коллегіи; приходскія метри-

ческія книги, архивы дворянскихъ опекъ и изустныя свѣдѣнія старожиловъ не всегда представляютъ намъ достаточно вѣрныя и точныя данныя для пополненія этого болѣе чѣмъ полувѣкового пробѣла.

Въ былое время всѣ имѣнія распадались на множество пустошей, имѣвшихъ иногда каждая до трехъ различныхъ вѣсточекъ, но безъ положительныхъ между собой границъ, почему мѣстоположеніе ихъ нынѣ съ точностью опредѣлять совершенно невозможно.

При раздѣлахъ, наслѣдованіи и выдѣлахъ селенія, пустоши дѣлились на доли, „жеребьи“, что и произвело ту страшную путаницу череполосныхъ владѣній, съ которой и до сихъ поръ во многихъ губерніяхъ никакъ не раздѣляются. Многіе владѣльцы, пользуясь неопредѣленностью границъ, захватывали себѣ и земли своихъ сосѣдей, отчего возникали нескончаемые споры и тяжбыныя дѣла. Иногда мелкія пустоши, разобранныя такимъ образомъ сосѣдями, даже совершенно исчезали съ лица земли. Игуменъ Андреевскаго монастыря, продавая Иванову пустошь Рабинки, въ купчей заявляетъ, что гдѣ она находится и кто ею владѣетъ, ему неизвѣстно! А кн. Рѣпинъ, отыскивая свою пустошь Алтухово, указываетъ на пустошь того же имени сосѣда своего Стрѣшневъ, который возражаетъ, что его пустошь въ Сосенскомъ стану, а отыскиваемая Рѣпинымъ считалась по писцовымъ книгамъ въ Чермскомъ стапу.. Подобныхъ примѣровъ встрѣчается множество.

Нигдѣ такъ скоро, какъ у насъ, не исчезаютъ всякіе признаки еще недавней осѣдлости: не только послѣ крестьянскихъ деревянныхъ избъ, но и послѣ сломанныхъ каменныхъ церквей и барскихъ хоромъ, ничего вскорѣ не остается, кромѣ мелкаго кирпича и ямъ, заростающихъ ивнякомъ и бурьяномъ. О существованіи церквей напоминаютъ намъ еще кое-гдѣ камни или деревянные кресты, обозначающіе бывшее мѣсто престола; единственный же признакъ, по которому можно догадаться о расположеніи прежнихъ усадебъ, представляетъ намъ углубленіе въ почвѣ и растительное царство: липовыя и березовыя садовыя аллеи и проспекты указываютъ археологу мѣсто садовъ и огородовъ исчезнувшаго селенія или барской усадьбы. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, если въ мѣстности описываемаго нами Сосенскаго става, несмотря на близость его отъ Москвы, нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ и воспоминаній. Старинныя церкви и барскіе хоромы относятся почти безъ исключенія къ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, а писцовыя и межевыя книги не представляютъ намъ рѣшительно никакихъ данныхъ о постройкахъ XVII в. Упоминаютъ онѣ, правда, о вотчинниковыхъ и помѣщичьихъ дворахъ, дво-

рахъ людскихъ, бобыльскихъ, скотныхъ и проч.; но въ чемъ состояли эти строенія? „вотчинниковъ дворъ“ не былъ ли иногда простой избой, гдѣ жила какой-нибудь прикащикъ или дѣловой человѣкъ?

Въ спискахъ владѣльцевъ Сосенскаго стана встрѣчаются и исторически прославившіяся имена: кн. Пожарскій, Проконій Ляпуновъ и сынъ Кузьмы Минина имѣли между собой три смежныя вотчины; вотчины кн. Хованскаго и Ѳедора Шахловитаго были въ двухъ верстахъ другъ отъ друга; тоже сказать можно про бояръ Тихона Стрѣшнева и Ѳедора Абрамовича Лопухина. Встрѣчаемъ имена фельдмаршала кн. Аникиты Репнина и Ив. Ив. Шувалова, основателя Московскаго университета. Но жила ли кто изъ нихъ въ своихъ подмосковныхъ и въ какой при томъ обстановкѣ, остается для насъ неразгаданной тайной. Главный интересъ нашего обзоренія сосредоточивается почти единственно на постепенномъ возрастаніи населенія, устройствѣ сельско-хозяйственнаго быта нашего подмосковнаго края, постоянномъ дробленіи владѣній, малоцѣнности земли, очевидной бѣдности средствъ къ ея обработкѣ и совершенно безпечнаго отношенія къ земледѣлію вообще.

Первыя писцовыя книги, знакомящія насъ съ Московскимъ уѣздомъ, представляютъ намъ его въ томъ разоренномъ и безлюдномъ положеніи, въ какомъ была Москва, еще не оправившаяся отъ бѣдствій и смуть первыхъ годовъ XVII в. Съ перваго взгляда кажется, будто эта страна только впервые начинаетъ населяться: множество „порозжихъ земель“, никому не принадлежащихъ и никѣмъ не обработанныхъ, помѣстья, совершенно почти обезлюденныя, такъ что на общемъ пространствѣ Сосенскаго стана—приблизительно отъ 18 до 20 тысячъ десятинъ—не насчитывалось въ 1626 году и 300 душъ крестьянъ. Правда, что вмѣсто крестьянъ въ помѣстныхъ поселкахъ упоминаются бобыли или безземельные батраки, но и то въ крайне ограниченномъ числѣ, отъ трехъ до пяти человѣкъ, не болѣе, на каждую усадьбу.

Но взглядываясь попристальнѣе въ эти поземельныя описи, мы скоро убѣждаемся въ томъ, что въ недавнемъ прошломъ въ этомъ краѣ процвѣтало довольно обширное хлѣбопашество. Велось здѣсь искони трехпольное хозяйство, укоренившееся обычай считать количество четвертей въ одномъ только полѣ съ обычной припиской: „а въ дву по тому жъ“. Память объ исчезнувшихъ селахъ и деревняхъ сохранилась еще въ замѣчаніяхъ писцовыхъ книгъ: „сельцо, что было село“, или „пустошь, что была деревня“. Въ вотчинѣ Троицкой Лавры въ 7122 г. упоминается пустошь „что было село Саларево Новое“, и къ

нему причислены пять бывших деревень, кои „запустѣли отъ литовскихъ людей“. Другія пустоши самыми прозвищами своими „Селище“ или „Починокъ“ указываютъ на населенныя нѣкогда мѣста. Такъ, при межеваніи Широкаго селища, окольные люди и старожилы въ 1688 году не могли уже указать на самое мѣсто селища; но, напротивъ, во многихъ другихъ пустошахъ прямо упоминаются два или три мѣста дворовыхъ, т.-е. прежнихъ усадебъ. Если обратимся къ измѣренію земель, мы найдемъ и здѣсь тѣ же признаки прежняго болѣе обширнаго веденія подмосковнаго хозяйства въ большомъ количествѣ паханной земли, заброшенной, по выраженію писцовыхъ книгъ, въ поросшихъ лѣсомъ перелогахъ. Повидимому, въ концѣ XVI в. первобытныхъ нетронутыхъ лѣсовъ, „непаханныхъ“, какъ выражаются писцовыя книги, было сравнительно съ паханной землей уже весьма немного, и вычислялись они совершенно отдѣльно отъ прочихъ земель: поверстно или подесятинно. Въ межевыхъ законахъ связано: лѣсныя угодыя, написанныя верстами, исчислять версту въ тысячу сажень, а въ вѣрѣпостяхъ, гдѣ написано „лѣсу вдоль на версту, а поперекъ тожъ“, власть по 416 десятинъ и 1600 кв. саженой (ст. 583 III части X тома Св. Законовъ).

Что касается пашни и сѣносовъ, то первоначальное размѣреніе этихъ земель истекало, повидимому, не отъ величины занятой площади, но отъ производительной силы урожая, почему сѣносовая земля считалась копами, а пашня четвертями или четами, въ послѣдней существовали три разряда земель—добрыхъ, среднихъ и худыхъ. Необходимость подвести эти три категоріи подъ одинъ знаменатель заставила, перевода худую и среднюю на расчетъ доброй земли, прилагать ей наддачу за ея худобу: „наѣздомъ пахано средней земли 5 четвертей, а доброй земли съ наддачею 4 четверти, а перелогомъ и лѣсомъ поросло средней земли 26 четвертей, а доброй земли съ наддачей 22 четверти; всего средней земли 32 четверти, а доброй съ наддачей 26 четвертей.“ Межевые законы (ст. 567 и 571 III ч. X тома) предписываютъ принимать 10 копенъ сѣнокоса за одну десятину, а четверть пашни считать въ полдесятины (1200 саж.), принимая, вѣроятно, за единицу четь доброй земли.

Упоминается въ вѣрѣпостныхъ актахъ иногда и древнѣйшая крупная земельная единица древняго сошнаго письма—соха, почти уже не встрѣчающаяся въ писцовыхъ книгахъ, дошедшихъ до насъ: „и сошнаго письма впустѣ пол-пол-пол-четверти сохи, и перешло за сошнымъ письмомъ одна четверть пашни“. Академическій словарь опредѣляетъ соху въ 800 четвертей доброй земли. По нему же, добрая четверть относится

къ средней какъ 8 къ 12, а къ худой какъ 8 къ 18, но, судя по разсмотрѣннымъ нами книгамъ, такой расчетъ не вѣренъ. Въ межевыхъ же законахъ ст. 580 предписываетъ касательно древнихъ мѣръ, какъ соха и другія, измѣрять ихъ по нѣсколькимъ сосѣднимъ дачамъ прямой съемкой, чтобы убѣдиться въ ихъ величинѣ, различной, повидимому, въ разныхъ мѣстностяхъ. Общій характеръ хозяйства XVII в. при тогдашнемъ малолюдствѣ заключался въ обработкѣ малой части прежнихъ заброшенныхъ полей наѣздомъ, т.-е. дальними работниками, только на лѣто наѣзжавшими изъ другихъ мѣстъ на эти работы. Иногда же, по исчисленіи дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ той или другой деревни по именамъ ихъ хозяевъ, слѣдуетъ еще третья цифра—количество четвертей паханой земли, предшествующая цифрѣ наѣздной пашни; эту третью цифру можно съ достовѣрностью принять за крестьянскій надѣлъ, обрабатываемый мѣстными жителями: „во дворѣ Ермошка Макаровъ съ пасынкомъ, во дворѣ Васька Даниловъ, во дворѣ Федька Филиповъ—пашни паханой четверикъ, да наѣздомъ пахано 15 четвертей, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 110 четв. безъ четверика въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

Пользованіе общей лѣсной дачей со стороны мѣстныхъ жителей—крестьянъ, приходскаго духовенства, или даже самихъ владѣльцевъ, называлось выѣздомъ или заѣздомъ; за послѣдній за каждый разъ назначалась денежная плата: „пустошь Савина: сѣнныхъ покосовъ 40 копень, лѣсу 10 десятинъ, дани одинъ рубль 9 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна“. Къ концу XVII в., вслѣдствіе быстрога умноженія населенія и новыхъ поселковъ и разбора всѣхъ порозжихъ земель служилымъ сословіемъ, исчезаетъ обычай наѣздной пашни. Но переселеніе въ Московскій уѣздъ множества крестьянъ изъ дальнихъ мѣстъ не въ состояніи было улучшить общій хозяйственный строй при развившемся ложномъ экономическомъ взглядѣ на крѣпостной трудъ, какъ на главную отрасль доходности нашей скудной подмосковной почвы. И въ самомъ дѣлѣ, когда купчія и выдѣлы XVII в. обращаютъ все свое вниманіе на подробное исчисленіе, количество и качество земли по всѣмъ отдѣльнымъ пустошамъ одного общаго имѣнія, тѣ же акты въ XVIII вѣкѣ, упомянувъ лишь огуломъ общее число земли, наполняются длинными списками приписанныхъ къ той или другой землѣ крестьянъ и дворовыхъ людей. Въ актахъ XVII в. о женщинахъ нѣтъ и помину и большею частію выписываются одни имена только хозяевъ дворовъ и тягловыхъ работниковъ, тогда какъ въ такихъ же документахъ XVIII в. цѣликомъ вносятся ревизскія сказки съ обозначеніемъ новорожденныхъ, умершихъ и въ бѣгахъ находящихся обоого

нола крѣпостныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ идутъ продажи цѣлыхъ семействъ на своѣ и ссылки по барскому капризу въ Сибирь, возникаютъ тяжбы о пропущенномъ въ купчей крѣпости незаконнорожденномъ младенцѣ или о дѣвкѣ, выданной замужъ до купчей, но внесенной въ нее по ошибкѣ; и являются, наконецъ, изверги рода человѣческаго, памятные нынѣ во всемъ околodeѣ, какъ злая Наумиха коньковская и людоедка Салтычиха, помѣщица села Троицкаго. Крѣпостные акты XVIII в. принимаютъ въ самомъ изложеніи своемъ какую то тупую канцелярскую формальность, незнакомую простому слогу до-Петровскихъ купчихъ и вкладныхъ. Въ особенности наглядно проявляется при этомъ чванство нашихъ вельможъ прошлаго вѣка своими чинами, званіями и должностями, исчисленіе которыхъ занимаетъ иногда очень много мѣста въ крѣпостномъ документѣ.

Наконецъ, приступая къ описанію владѣній древняго Сосенскаго стана, мы должны еще опредѣлить его географическое положеніе и общія границы. Тянулся этотъ станъ между старыхъ дорогъ: Серпуховской, Калужской и такъ называемой Каменки, на югъ отъ Москвы верстѣ на сорокъ и принадлежитъ нынѣ частью Московскому, а частью Подольскому уѣзду; по первому Екатерининскому дѣленію уѣздовъ онъ захватывалъ частію и Звенигородскій уѣздъ; а до того принадлежалъ къ старому Московскому уѣзду. Имя свое Сосенскій станъ получалъ отъ небольшой рѣчки, орошающей самую центральную мѣстность его и впадающей въ рѣку Десну или малую Пахру, которая въ теченіи своемъ отъ запада на востокъ перерѣзаетъ весь станъ въ его южной оконечности. Станы, смежныя съ Сосенскимъ, въ старину были: съ сѣвера Чермскій и Оьтунскій, съ запада Таракмановскій, съ юга Лукомскій, а съ востока Молотскій и Ратуевскій.

Захваты, раздѣлы, обмѣны и полюбовныя размежеванія черезполосицъ во многомъ, конечно, значительно измѣнили древнѣйшія границы межевыхъ дачъ 1767 года. Въ народѣ часто живетъ преданіе, что то или другое урочище принадлежало прежде сосѣднему селу, и даже многія изъ нихъ прозываются донинѣ „спорными“, въ память какихъ то прежнихъ тяжбъ и споровъ о нихъ. Нѣкоторыя мелкія пустоши, какъ замѣчено выше, совершенно исчезли и нерѣдко въ древнихъ межевыхъ книгахъ встрѣчаются въ указаніи сосѣднихъ межъ какой нибудь дачи такія владѣнія, которыя нынѣ вовсе съ ней не граничатъ, тогда какъ, напротивъ, разныя деревни, довольно отдаленныя прежде другъ отъ друга, стянулись теперь, въ особенности при большой дорогѣ, въ одно общее селеніе. Наконецъ, можно положительно сказать, что и самое полотно Калужской дороги, отчасти видо-

измѣнилось въ своемъ направленіи: въ XVII в. различали двѣ дороги—зимнюю и лѣтнюю, настолько другъ отъ друга отдаленныя, что около деревни Теплый станцъ между ними помѣщались двѣ отдѣльныя ну-стоши—Лысыя и Глиннище; а въ межеваніи 1693 г. д. Тигонийа прямо указана межа: „отъ столба, что у стараго брода Десны рѣки на берегу, гдѣ прежь сего была старая Калужская дорога“. Относительно населенныхъ мѣстностей, мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что выраженія *село* и *сельцо* донинѣ, по московскимъ понятіямъ, несколько не обуславливаютъ собой существованія въ нихъ крестьянскихъ дворовъ; всего чаще, напротивъ, принадлежащія къ селамъ деревни носятъ свое особое наименованіе. Сельцо, болѣею частію, указываетъ на существованіе въ немъ помѣщичьей дачи, или же служить воспоминаніемъ объ упраздненной церкви бывшаго нѣкогда села. Селамъ же зовутъ не только тѣ господскія усадьбы, при которыхъ существуетъ церковь, но даже и тѣ церковныя погосты, какъ Передѣльцы и Ивановское, гдѣ когда то возлѣ церкви существовалъ монастырскій или вотчинниковъ дворъ.

Вообще опытъ исторіи селъ и деревень—трудъ крайне неблаго-дарный въ отношеніи къ тому интересу, котораго привыкли мы ожидать отъ исторіи городовъ, государствъ и народовъ. Тутъ почти все ограничивается сухимъ перечнемъ годовъ, именъ и названій, лишеннымъ той живой были и сказательной картинности разсказа, которыя И. Е. Забѣлину посчастливилось придать своему описанію Сѣтунскаго стана. Тѣмъ не менѣе, нельзя не пожелать болѣе общей и серьезной обработки писцовыхъ книгъ и другихъ документовъ Вотчиннаго Архива, уже начатой подъ просвѣщеннымъ руководствомъ Н. В. Калачева,—документовъ, представляющихъ намъ драгоценный матеріалъ по родословнымъ изысканіямъ, по изученію древняго нашего законодательства о правахъ владѣнія и наслѣдства и по общему ихъ экономическому характеру, рисующихъ древнее сельское хозяйство и народное благосостояніе въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго государства.

I.

Выѣзжая изъ Москвы чрезъ Калужскую заставу, на 11-ой верстѣ отъ нея мы попадаемъ въ красивое село съ остатками когда то длиннаго ряда каменныхъ избъ по лѣвой сторонѣ дороги и съ живописной рощей направо, за которой показывается церковь св. Сергія и небольшая господская усадьба. Здѣсь слились въ одно два отдѣльныя владѣнія, раздѣленные дорогой: село Сергіевское по правой и деревня Коньково по лѣвой сторонѣ большой дороги; съ нея то и начнемъ наше обозрѣніе.

На возвышенной мѣстности, за крестьянскими дворами, существовала здѣсь нѣкогда великолѣпная барская усадьба съ огромнымъ господскимъ домомъ, оранжереями, каменной церковью во имя Пресвятой Троицы и шестидесятинымъ фруктовымъ садомъ, обнесеннымъ высокимъ валомъ.

При въѣздѣ въ деревню, еще донинѣ существуетъ широкій липовый проспектъ, круто поворачивающій за крестьянскими усадьбами на нѣкогда каменную плотину, черезъ которую подѣзжали прямо къ барскому дому, минуя налѣво три пруда, обсаженные въ то время вѣковыми липами; а за ними находится небольшой лѣсочекъ, который былъ обнесенъ прежде, какъ рассказываютъ старожилы, высокимъ частоколомъ и сохраняетъ и донинѣ прозвище „звѣринца“. Отъ всего этого остались нынѣ одна лишь красивая липовая аллея, да два измелъчавшіе прудика, да еще валъ, окружавшій землю фруктовыхъ садовъ, нынѣ распаханную подъ посѣвы. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла церковь, замѣтны кое гдѣ могилы и на одной изъ нихъ даже сохранилась плита изъ дикаго камня, отъ времени растреснувшаяся.

Плотина давно разобрана; а отъ прежнихъ строеній сохранились только ямы да буераки, размытые вешними водами и обросшіе густой травой и бурьяномъ, между которыми проглядываютъ кое гдѣ мелкіе и тощіе кусты шиповника и сирени, или свѣжіе отрасли вленовъ и липъ, уже нѣсколько разъ подрубленныхъ крестьянами на топливо, и все же неутомно растущихъ снова, какъ живые признаки бывшихъ здѣсь роскошныхъ садовъ. Прилегающіе къ этой мѣстности сады крестьянскихъ усадьбъ засажены густыми и старыми

рядами ягодныхъ кустовъ, сливъ и вишенъ, весьма рѣдко встрѣчающихся въ такомъ изобиліи у нашихъ подмосковныхъ мужичковъ и обязанныхъ, вѣроятно, своимъ происхожденіемъ прежнимъ барскимъ садамъ.

Селенія, нынѣ построенныя на самой большой дорогѣ, какъ Коньково, Теплый Станъ, Сосенки и Десна, всѣ вообще новѣйшаго происхожденія: въ концѣ XVII или въ первой половинѣ XVIII в. они стали появляться тутъ, у дороги, сперва какъ выселки большихъ, въ сторонѣ лежащихъ деревень; но потомъ послѣднія мало по малу, до послѣдней избенки, переселились на выселокъ, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ бывшаго села одинъ церковный погостъ, какъ увидимъ это въ селѣ Соснѣ и Станиславлѣ.

Только съ 1675 года Коньково упоминается сельцомъ Сосенскаго стана, а до тѣхъ поръ встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ лишь пустошью при сельцѣ Чермскаго стана Степанковѣ (Емельяновка, Бѣсово тожъ) при рѣчкѣ Городенкѣ съ двумя пустошами Гаврилово (Дубинкино тожъ) и Холзиково (Коньково тожъ) за Ильей Козьмичемъ Безобразовымъ, упоминаемымъ при свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича 19 сентября 1613 года и подписавшимся подъ Уложеніемъ. Онъ былъ воеводой на Двинѣ въ 1646 г. и въ Архангельскѣ въ 1651 г., а позднѣе судьей въ приказахъ Разбойничьемъ и Патріаршемъ. Всего земли при Степанковѣ и двухъ пустошахъ наѣздомъ паханой 11 ч. съ осминой, въ перелogaхъ 78 ч. въ полѣ, сѣна по оврагамъ и большой дорогѣ 85 копенъ, лѣса непаханаго 30 десятинъ. Въ 1660 г. Илья и братъ его Василій Козьмичи совершили полюбовное размежеваніе Степанковской ихъ вотчины съ принадлежащимъ ихъ сосѣду боярину Григ. Максим. Стрѣшневу селомъ Усковымъ и пустошью Данилковской, а въ 1691 г. сынъ Ильи Кузьмича Ѳеодоръ Безобразовъ междуется съ постельничимъ Гаврилой Ивановичемъ Головиннымъ, купившимъ, вѣроятно, жеребій с-ца Степанкова отъ брата Ѳеодора, Андрея Козьмича Безобразова, показаннаго съ нимъ владѣльцемъ сельца Конькова въ писцовыхъ книгахъ 1705 года. Вѣроятно, что Головинъ, фаворитъ Петра I-го и родственникъ его матери Натальи Кирилловны, а позднѣе графъ и первый Имперскій Канцлеръ, купилъ вполнѣдствіи жеребій Ѳеодора Безобразова и возвелъ великолѣпную усадьбу Конькова, гдѣ уже и при Безобразовыхъ были большіе сады; онъ же, Головинъ, построилъ и каменную церковь св. Троицы, снесенную въ началѣ нынѣшняго вѣка, кирпичъ которой пошелъ на ограду сосѣдней, въ нѣсколькихъ саженьяхъ построенной по правой сторонѣ дороги, церкви с. Сергіевскаго.

Въ архивѣ князей Воронцовыхъ находятся два любопытныхъ письма графа Михаила Илларионовича Воронцова; одно 1749 г. къ графу Александру Гавриловичу Головкину съ предложеніемъ купить его подмосковное с. Троицкое, Коньково тожъ, такъ какъ оно ему не нужно для жительства и доходу никакого не приноситъ; другое же письмо— графу Алексѣю Разумовскому съ жалобами о своихъ долгахъ, гдѣ Воронцовъ, называя дешевой цѣну 4000 ефимковъ, взятую Головкинымъ по дружбѣ съ него за свою подмосковную, передаетъ, что для покупки необходимаго ему близъ Москвы имѣнія онъ долженъ былъ заложить серебро и драгоценныя вещи свои, и просить всемогущаго Разумовскаго ходатайствовать ему это имѣніе въ подарокъ отъ императрицы. При этомъ письмѣ 1752 г. приложено и описаніе покупаемаго имъ имѣнія, которое выписываемъ здѣсь цѣликомъ. „Подмосковная вотчина графа А. Г. Головкина, село Троицкое, а Коньково тожъ, съ д. Дубинниково, отъ Москвы 11 верстъ по Калужской дорогѣ. Церковь каменная съ колокольней. Палаты каменные, въ нихъ 10 покоевъ. Четыре сада съ овощными (т. е. фруктовыми) деревьями. Въ селѣ прудокъ и одна небольшая мельница. Мужскаго пола душъ 92 человекъ, изъ оныхъ выключено 11 душъ. Крестьяне отправляютъ дворовую работу и платятъ по 50 р. за годъ. Земли 97 ч. въ полѣ, а въ дву потому жъ. Сѣна и дровъ весьма мало. Оную деревню уступаетъ графъ Головкинъ по пріятству за 4000 ефимковъ, а съ переводомъ денегъ по курсу и за пошныны будетъ 5000 рублей коштовать* *).

Недолго повидимому удержалъ свѣтлѣйшій рейхсъ-графъ Воронцовъ с. Коньково за собой; но ему народная молва приписываетъ построеніе каменныхъ крестьянскихъ избъ, отчасти еще донныя существующихъ. Должно быть, незадолго до своей смерти (1767 г.) онъ продалъ свою подмосковную Авдотѣ Наумовнѣ Зиновьевой, женѣ петербургскаго оберъ-коменданта генерала Зиновьева, умершаго съ сунругой своей въ 1773 г.

Этотъ генералъ Зиновьевъ купилъ также въ 1769 г. отъ кн. Сергѣя Дмитриевича Кантемирова п. Степанково другое (Дубенково, Гряднево тожъ), которое, повидимому, было давно отпавшимъ жеребѣемъ общаго имѣнія: оно уже въ 1628 г. было отдѣльной помѣстной пустошью кн. Сицкаго, а позднѣе дано было боярину Лукьяну Степановичу Стрѣшневу, отцу царицы Евдокии, супруги ц. Михаила Федоровича (умерла въ 1650 г.). Въ 1690 г. эта пустошь была отпавшая на в. государя, а въ 1712 дана кн. Дм. Конст. Кантемирову

*) Отъ вѣнцкаго kosten—стоитъ.

(† 1723). Этотъ Николай Зиновьевъ и супруга его Авдотья Наумовна, известная въ разсказахъ коньковскихъ старожиловъ подъ прозвищемъ Наумихи, оставили по себѣ гнусную память жестокимъ мучителей своихъ крѣпостныхъ людей, отчего и составилось народное преданіе, что государыня, дабы избавить коньковскихъ крестьянъ отъ ихъ немилосердныхъ господъ, приказала отнять у нихъ это имѣніе и приписать его къ Царицынской дворцовой волости, въ память каковой царской милости мужики соорудили стоящій и понынѣ посреди села высокой каменный столбъ, одинаковый по формѣ своей съ екатерининскими верстовыми столбами. Но документы представляютъ дѣло иначе: по смерти Зиновьева и жены его въ 1773 г. дочь ихъ, фрейлина двора Екатерина Николаевна, выходя замужъ въ 1776 г. за кн. Григорія Орлова, въ томъ же году—вѣроятно, бывши уже невѣстой и пользуясь вѣсомъ жениха ея при дворѣ—продала Коньково въ собственность Ея Величества. Народъ разсказываетъ, что государыня лично прѣвѣжала взглянуть на свою новую покупку и тутъ же лично распорядилась о перенесеніи господскаго дома и оранжереи въ Царицыно, гдѣ дохъ этотъ до сихъ поръ еще существуетъ и занята управленіемъ дворцовой волости. Церковь, какъ сказано выше, была снесена уже позднѣе, по присоединеніи Конькова къ приходу стоящей черезъ дорогу Сергіевской церкви.

Съ мѣста бывшей Головкинской усадьбы видны вдали три отдѣльныя рощи: ближайшая къ Усковской межѣ, направо, носитъ донынѣ прозвище Звѣринца; лѣвѣе отъ нея роща Дубенкинская, а за ней, въ концѣ этой дачи, заброшенный колодець указываетъ намъ мѣсто, гдѣ была деревня Степанково, Емельяновка тожъ; лѣвѣй отъ Конькова, по направленію къ Москвѣ, виденъ еще одинъ лѣсъ (нынѣ пустоши Дворцовой Конторы) Кленково, Колычево тожъ. Тутъ было въ прошломъ столѣтіи отдѣльное сельцо съ однимъ дворомъ и 7 бобылями, но безъ крестьянъ, принадлежавшее съ п. Сосуновой Ивану Михайловичу Колычеву, а позднѣе—его сыну Ивану Ивановичу и внукамъ Николаю и Александру съ различными вдовыми и дѣвичьими выдѣлами, позднѣе опять возвращающимися къ общему владѣнію. Въ писцовыхъ книгахъ 1625 г. мы находимъ Кленково еще пустошью въ селу Ясневу, которое было въ то время вотчиной князей Львовыхъ. За Кленковымъ находилось еще и другое небольшое сельцо, Марково, нынѣ дача купца Васильева (по плану Шуберта 1848 г. купца Лаврова). Оно было также безъ крестьянъ, въ 1675 г. считалось за стольникомъ Колтовскимъ и находилось еще въ томъ же семействѣ при генеральномъ межеваніи. Нынѣ Марковская дача увели-

члѣдъ 45 десятинами Кленковской вотчины и носить при томъ еще надвѣзиемъ Емельяновки, указывающее на задѣлѣ части земель древней боярской деревни Бѣсово, Степанково и Емельяновка тѣмъ, только въ концѣ XVII в. переобравшейся въ Коньково, въ ту же самую эпоху, когда является и село Колтовская Марково.

II.

На правой сторонѣ большой дороги, противъ коньковскихъ дворовъ, красуется на возвышенномъ мѣстѣ небольшая березовая роща съ правильно засажеными аллеями, принадлежавшая, вѣроятно, къ парку графа Воронцова; нынѣ часть ея обращена въ деревенское кладбище. Посрединѣ рощи большой курганъ, и по ту сторону, на отклонѣ большаго оврага, виднѣтся множество невысокихъ, донсторическихъ курганчиковъ, расположенныхъ въ видѣ шахматной доски, гдѣ мы съ А. А. Гатцукъ произвели, вѣскольکو лѣтъ тому назадъ, археологическую раскопку, увѣнчавшуюся довольно успѣшными находками. Въ этой рощѣ бываетъ 5 іюля народное гулянье. Далѣе идетъ усадьба, нынѣ купца Иришникова, и церковь св. Сергія съ церковными домами, но безъ крестьянскихъ усадебъ. На стѣнахъ и дверяхъ церкви видны до нынѣ слѣды французскихъ пуль 1812 г. Замѣчательно еще, что на медальонѣ, съ частицей мощей преподобнаго Сергія, хранящемся въ этой церкви, подъ изображеніемъ лика святого встрѣчаются буквы Е. Н. З., указывающія, повидимому, на монограмму коньковской помѣщицы Авдотьи Наумовны Зиновьевой.

По писцовымъ книгамъ 135 и 136 гг. (1626—1627) значится въ Сосенскомъ станѣ: за столыники за Федоромъ да за Дмитріемъ Михайловыми дѣтьми Толочановыми, что было прежь сего за бояриномъ за Петромъ Никитичемъ Шереметевымъ, д. Сѣрино на вражѣ, а въ ней дворъ помѣщиковъ, а во дворѣ живетъ прикащикъ Ромашка Григорьевъ да дѣловые люди Осипко Степановъ да Мишка Аеонасьевъ; пашни наѣздомъ пахано середніе земли 25 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло 55 ч. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 55 копенъ, лѣсу непашеннаго 6 десятинь. П. Лихово, пашни наѣздомъ пахано середніе земли 2 ч. съ осминою да перелогомъ и лѣсомъ поросло 47 ч. съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 40 копенъ, непашеннаго лѣсу 4 десятины. П. Савинская, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло средней земли 25 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 20 копенъ, лѣсу 3 десятины.

Пустоши Саввина и Ляхова, по межеванію 1659 г., тянутся вдоль правой стороны Калужской дороги до п. Униково и начала Неракина оврага. Θ . Толочановъ умеръ въ 1662 г. и имѣніе перешло къ его сыну Семену и внуку Василю, строителю церкви, по которой и его вотчина стала именоваться селомъ Сергіевскимъ; а въ 1743 г. имѣніе это отдано въ приданое дочери его Настасіи Васильевнѣ, вышедшей замужъ за кн. Сергѣя Алексѣевича Голицына, московскаго губернатора въ 1755 г. и оберъ-егермейстера. Онъ владѣлъ селомъ Дубровицы съ деревнями близъ Подольска на Пахрѣ и домомъ въ Москвѣ въ приходѣ св. Антипія, у Пречистенскихъ воротъ, что у старыхъ Колымажныхъ конюшенъ—домъ, и по нынѣ состоящій въ родѣ князей Голицыныхъ. Кн. Сергѣй умеръ въ 1758 г. и с. Сергіевское досталось его сыну Алексѣю, который въ тотъ же годъ уступилъ его незамужней сестрѣ своей Аннѣ Сергѣевнѣ; она же въ 1779 г. продала это имѣніе своей племянницѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной Голицыной, женѣ кн. Николая Григорьевича Шаховскаго, въ томъ же году купившаго сосѣднюю усадьбу села Богородскаго. Кромѣ того въ 1767 г. была прирѣзана къ вотчинѣ княжны А. С. Голицыной, взаимнѣ недостававшей у ней противъ писцовыхъ книгъ земли, по лѣвой сторонѣ дороги Каменки часть Сергіевской пустоши села Трепарева, принадлежавшей Коллегіи Экономіи. За Сергіевской рощей тянутся версты на три до дороги, прозывающейся Каменкой, глубокіе овраги, на вершинѣ которыхъ, на самой Каменкѣ, расположено село Трепарево, принадлежавшее Дѣвичьему монастырю. Село это съ богатою церковью славилось въ прошломъ столѣтіи своими обширными монастырскими садами. Трепарево уже не относится къ Сосенскому стану, почему лежащая на косогорѣ и принадлежащая къ Трепареву противъ Сергіевскаго деревушка Брехово не входитъ въ районъ нашего обозрѣнія; однако, въ XVII в. эта деревушка состояла съ с. Богородскимъ въ одномъ владѣніи бояръ Морозовыхъ и ими отдана въ Дѣвичій монастырь.

С. Богородское занимаетъ небольшую возвышенность, со всѣхъ сторонъ окруженную оврагами и прудами, точно островъ, на которомъ раскинута живописная усадьба со старинной каменной маленькой, но красивой церковью, принадлежащей къ той переходной архитектурѣ, когда въ каменныхъ строеніяхъ отзывались еще обычныя формы четырехугольнаго сруба деревянныхъ построекъ. Фруктовымъ садамъ, оранжереямъ этой старинной усадьбы плохо соответствуетъ деревянный домикъ, очевидно, новѣйшей постройки.

За усадьбой находится небольшая деревушка Воронино. По писцовымъ книгамъ 1626 г.: „за бояриномъ Вас. Петр. Морозовымъ была старинная вотчина пустошь, что было сельцо Воронино, Шаблякино тожь, съ пустошами Марково и Погорѣлое, всего пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 94 ч. въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 45 копенъ и лѣсу 7 десятинъ, сошнаго письма влустѣ полполчетверти и полполполчетверти сохи. А владѣеть бояринъ Василій Петровичъ тою вотчиной по старинѣ.“

Въ 1646 году приобрѣтена еще и сосѣдняя п. Харламово, Шошлыково тожь, 12 ч. въ полѣ, отъ Филипа Башмакова. Вѣроятно, часть Стойликова Харламова, бывшая въ 7137 г. за Филипомъ Башмаковымъ, перешла къ селу Троицкому.

Въ переписи 1645 г. значится уже въ с-цѣ Воронинѣ 1 дворъ, а въ д. Сосновкѣ 6 дворовъ. Боярину Морозову принадлежали и села Дубровицы, Ерино и Александрово съ деревнями близъ Подольска, при слияніи Пахры съ Десною; а сынъ его, бояринъ Иванъ Васильевичъ, при постриженіи своемъ въ монахи, въ 1655 г. передалъ всѣ свои вотчины единственной дочери своей Ксеніи Ивановнѣ, бывшей замужемъ за кн. Ив. Андреев. Голицынымъ, строителемъ храма въ с. Богородскомъ. „Храмъ во имя Казанской Пресвятой Богородицы, съ придѣломъ Бориса и Глѣба, Пехрянской десятины въ с. Богородскѣ, вотчинѣ, бывшей боярина кн. Ивана Андреевича Голицына, при досмотрѣ сына его кн. Ивана меньшого Голицына. Пона при церкви нѣтъ—умре, даны 7 алтынъ 4 деньги, заѣзда гривна.“ По этой выпискѣ изъ доверенныхъ книгъ 1680 года мы видимъ, что Богородское оставалось за меньшимъ Иваномъ; но владѣлъ имѣніемъ и Иванъ старшій. По смерти ихъ обоихъ, въ 1686 и 1689 гг., все имѣніе досталось брату ихъ князю Андрею († 1717 г.). У Андрея былъ одинъ сынъ Иванъ и дочь Анна (за кн. Урусовымъ). Иванъ Андреевичъ меньшей пережилъ сына своего Александра; жень своей Степанидѣ Матвѣевнѣ онъ удѣлилъ еще при жизни ея законную вдовью часть въ Богородскѣ и въ Еринѣ; эти жеребьи, по ея смерти, перешли частію къ ея третьему супругу кн. Багратиону Грузинскому, частію же къ ея племянникамъ Ржевскимъ, которыхъ мы встрѣтимъ дальше, при разсмотрѣніи ихъ родовой вотчины въ сельцѣ Саврасовѣ.

По генеральному межеванію земля княгини Степаниды означена особо въ количествѣ 26 десятинъ съ саженьями; остальная часть Богородскаго, въ количествѣ 214 десятинъ, въ 1769 году записана за кн. Ив. П. Щербатовымъ, женатымъ на внучкѣ кн. И. А. Голицына, княгинѣ Иринѣ, дочери княгини Анны Урусовой.

Но по смерти кн. Ив. Андр. Голицына въ 1742-г., всѣ его вотчины сначала перешли внуку его, кн. Николаю Александровичу, умершему холостымъ въ 1751 г., а по смерти его завязалось продолжительное тяжёлое дѣло между всѣми его родственниками, дошедшее до общаго собранія Сената и рѣшенное, впоследствии, кажется, въ пользу дѣтей оберъ-егермейстера кн. Сергѣя Алексѣевича, князей Николая и Алексѣя. Единственная дочь кн. Николая, выйдя замужъ за кн. Владимира Щербатова, сына кн. Ивана Петровича, соединила двѣ части одного и того же наслѣдства.

Кн. Алексѣй Сергѣевичъ, оставивъ Дубровицы за своими сыновьями, передалъ свой Богородскій жеребій дочери своей Варварѣ и мужу ея кн. Н. Г. Шаховскому, скупившему отъ матери и жены кн. Владимира Ивановича Щербатова ихъ участки с. Богородскаго, и отъ родной ихъ тетки княжны Анны Сергѣевны Голицыной ея родовое село Сергѣевское; въ скоромъ времени въ 1783 г. княгиня А. С. Шаховская продала оба имѣнiя княгинѣ Фодосѣ Львовнѣ Черкасской.

Съ этого времени прекращаются наши свѣдѣнiя о послѣдовательныхъ переходахъ этихъ дачъ. Теперь уже около полувѣка Богородское принадлежитъ семьѣ Пустошкиныхъ, нѣсколько членовъ которой скоронены возлѣ церкви.

III.

По правой сторонѣ Калужской дороги, за пустошью Ляхово, находится с. Троицкое на Нераковомъ оврагѣ, нынѣ владѣнiе М. Г. Устинова, а при селѣ деревня, занимающая верхнюю правую сторону самой большой дороги, почему и зовется Верхнимъ Теплымъ Станомъ въ отличiе отъ Нижняго, принадлежавшаго къ с. Ускову. Эта дача составилаcя постепенно изъ множества мелкихъ владѣнiй, слившихся въ одно общее цѣлое путемъ покупокъ и обмѣновъ.

Въ 7163 г. (1627 г.) по писцовымъ книгамъ письма и мѣры Федора Пушкина значится: за Филипомъ Григорьевичемъ Башмаковымъ д., что была п. Говорово, Жуково или Суково тожь, на Неракинѣ оврагѣ, пашни средней земли 35 ч., п. Поповка 12 ч., п. Дурново, Руднево и Ощерино тожь, на Неракинѣ оврагѣ, 15 ч., и Бѣляево на прудѣ 9 ч. Въ 1648 г. это подмосковное помѣстье передается Михаилу Зыбину, причемъ Говорово упомянуто пустошью; а въ писцовыхъ книгахъ 186 г. упомянута д. Жуково, 1 дворъ съ 2 бобылями, за Зыбиннымъ; но того же года iюня въ 11 день отписаны эти пустоши въ помѣстье думному дворянину Василю Дашкову, а въ челобитныхъ разныхъ другихъ лицъ на эти земли отказано; три года

спустя, по смерти Дашкова, это помѣстье справлено за его сыномъ. Въ 1684 г. сельцо Говорово, Жуково тожь, съ пустошами за Чигиринскій походъ дано Дашкову изъ помѣстья въ вотчину, и въ томъ же году продано имъ окольнику Семену Ѳедоровичу Толочанову; владѣльцу сосѣдняго сельца Серина, который перепродалъ эту вотчину извѣстному любимцу царевны Софіи и главному начальнику стрѣльцовъ Ѳедору Шакловитому 19 іюля 1678 года.

Пустошь Тимонина, 25 ч., бывшая прежде въ помѣстьи за княземъ Дмитріемъ Оболенскимъ, а позднѣе за Петромъ Нееловымъ, въ 1622 г. отдана изъ порозжихъ земель Антону Григорьеву Башмакову, а въ 1672 г. раздѣлена между сыномъ его Григоріемъ (10 ч.) и Самойломъ Чебышевымъ (получившимъ 15 ч.). Послѣдній, посредствомъ промѣна съ Башмаковымъ, оставилъ всю пустошь за собой, но вскорѣ промѣнялъ ее на галицкое помѣстье Леонтію Лодыженскому, которому за Троицкій походъ въ 196 году Тимонина дано въ вотчину; Лодыженскій тутъ же продалъ его Шакловитому. Филиппъ Башмаковъ въ 1632 г. купилъ еще себѣ изъ порозжихъ земель въ вотчину п. Харламово, Стойликово тожь, 12 ч., перешедшую потомъ тоже Шакловитому; другія 12 ч. въ той же пустоши значатся проданными тѣмъ же Башмаковымъ въ 1644 г. боярину Морозову.

1687 г. сентября 12 „Ѳедька Шакловитый за воровство и измѣну казненъ смертію“. 1688 г. марта 3 дня „великими государями царями Іоанномъ Алексѣевичемъ и Петромъ Алексѣевичемъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцами, дана жалованная грамота думному дьяку Автамону Ивановичу Иванову на вотчину вора, измѣнника и крестопреступника Ѳедьки Шакловитаго, что ему дано за его къ великимъ государямъ многую службу, что онъ будучи за нимъ, великимъ государемъ, царемъ и в. кн. Петромъ Алексѣевичемъ въ походѣ въ селѣ Преображенскомъ и Троице Сергіевскомъ монастырѣ, во время злохитростнаго умысла на ихъ, великаго государя, и мать его вел. государыню Наталью Кириловну, — вора, измѣнника и крестопреступника Ѳедьки Шакловитаго съ товарищами тотъ ихъ злохитростный воровской умыселъ разорилъ“.

Такимъ образомъ, послѣ Шакловитаго, сельцомъ Говоровымъ (Жуково, Суково тожь) владѣлъ Автамонъ Ивановъ. Онъ, кромѣ сельца Говорова, приобрѣлъ еще и другія имѣнія: Татариново, Никольское, Прокшино и Лѣтово, а въ Говоровской дачѣ намѣревался присоединить и купленные имъ у игумена Пимена съ братьею въ 1697 г. пустоши Андреевскаго, что въ Плѣницахъ, монастыря—Марьинъ Починковъ и Рябинки, обѣ на прудахъ, показанныя въ писцовой книгѣ

136 г.; а взялъ за тѣ пустоши игумень съ братьею 200 руб., но тѣми пустошми они не владѣли и кто ими владѣеть противъ указа великаго государя, того они не вѣдаютъ“.

Болѣе 70 лѣтъ продолжалось отыскиваніе этихъ исчезнувшихъ въ сосѣднихъ владѣніяхъ пустошей и только уже правнукамъ Автамона прирѣзали въ 1767 г., взаимнѣ ихъ, часть Трепаревской п. Сергѣевки за дорогой Каменкой. Всего примѣрено къ селу Троицкому 71 десятина, что составляетъ гораздо болѣе земли, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ двухъ пустошахъ, почему съ вѣроятностью можно предположить, что сосѣдніе монастырскіе крестьяне, овладѣвъ другими землями Шахловитаго и пользуясь его опалой, овладѣли, быть можетъ, и полупустошью Харламовой. Въ 1707 г. Ивановъ промѣнялъ у князей Кольцовыхъ-Мосальскихъ сельцо Голубино на принадлежавшую имъ пустошь въ 20 ч. Оринино, Вардамакино тожь, по обѣимъ сторонамъ Неракина оврага, что нынѣ принадлежитъ церковной землѣ с. Троицкаго. Въ 1691 г., по челобитью Автамона Иванова, стольникомъ Хрущевымъ п. Тимонино была отмежевана отъ земель Сергіево-Троицкаго монастыря д. Саларева, на основаніи писцовыхъ книгъ 137 г., гдѣ мѣра сей пустоши указана: пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло средней земли 25 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 25 копенъ, а лѣсу 5 десятивъ.

Въ описаніи межь упоминается Сѣрышовскій оврагъ, по которому проходитъ дорога изъ Говорова въ Дудкино и Никольское, Старое прудище, и смежное владѣніе п. Поповичи Григорія Неелова (не пустошь ли Поповка?)—вѣроятно, часть первоначальной Тимонинской дачи, оставшейся въ роду ея перваго вотчинника, выше упомянутаго Петра Неелова.

Въ 1686 г., какъ видно по надписямъ на колоколахъ и на золотомъ престольномъ крестѣ, выстроена Автамономъ Ивановымъ каменная церковь во имя Животворящей Троицы, отчего и вся его вотчина стала называться Троицкимъ. Въ послѣднихъ писцовыхъ книгахъ 1704 года при селѣ Троицкомъ упомянуты вновь населенныя деревни Бѣляево и Кузнецово, а въ раздѣльномъ актѣ внуковъ Автамона 1748 г. эти два поселка замѣнены одной деревней Верхнимъ Теплымъ Станомъ, на самой большой дорогѣ. Гдѣ именно находилась прежняя деревня Говорова, Жуково тожь, опредѣлить нынѣ невозможно; замѣчательно только, что въ 5 или 6 верстахъ сѣвернѣ Троицкаго, на старой Боровской дорогѣ, существуетъ другое сельцо Говорова, а еще немного дальше по той же дорогѣ деревня Суково, Жуково тожь! На Бѣляево указываютъ старожилы, что оно стояло у

небольшаго прудика, что по дорогѣ въ деревню Дутеино (Кузнецово). Автамонъ Ивановъ умеръ до 1714 г., такъ какъ мы имѣемъ челобитную отъ этого года по дѣлу о Марьинѣ Починиѣ, подписанную уже его сыномъ Николаемъ, флота секундъ-лейтенантомъ, умершимъ вскорѣ послѣ отца. Николай Автамоновичъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Давыдовой. Последняя, по смерти Николая Автамоновича, была за сосѣднимъ помѣщикомъ Сѣтунскаго стана с. Богородскаго поручикомъ В. С. Вредихиннымъ. По раздѣлу дочерей Николая Автамоновича съ матерью своей, Аграфенѣ Николаевнѣ, бывшей замужемъ за дѣйствительн. статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Никифоровичемъ Тютчевымъ, и Марей Николаевнѣ, женѣ полковника Измайлова, достались Никольское и Прокшино; а за Даріей Николаевной, по мужу Салтыковой, утверждено с. Троицкое съ д. Верхній Теплый станъ. Эта Дарья, извѣстная въ народной памяти подъ прозвищемъ Салтычихи-людоедки, за свое неистовое обращеніе съ людьми, которыхъ при себѣ и даже собственноручно до смерти забивала за малѣйшія провинности, за измятое платье или плохо вымытый полъ, была наконецъ предана суду и заключена въ Ивановскій Монастырь, гдѣ она еще до 1800 г. томила въ бѣшеныхъ припадкахъ сумасшествія. Въ 1775 г. назначена была опека надъ дѣтьми умершихъ сыновей Дарьи Николаевны, Николая и Ѳедора Глѣбовичей Салтыковыхъ; между опекунами встрѣчается и дядя ихъ Тютчевъ. По рѣшенію сената, дозволено было опека, для уплаты долговъ Салтыковыхъ, продать ихъ имѣнія, почему въ 1777 г. Троицкое и продано Борису Салтыкову, а вслѣдъ за тѣмъ перепродано имъ Ивану Никифоровичу Тютчеву, отцу извѣстнаго нашего поэта Ѳедора Ивановича Тютчева, который, какъ и братъ его Николай Ивановичъ, провелъ молодые годы свои въ Троицкомъ, гдѣ и М. П. Погодинъ нерѣдко посѣщалъ ихъ въ молодости, какъ пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ѳедорѣ Ивановичѣ.

Въ нашемъ столѣтіи село Троицкое перешло отъ Тютчевыхъ къ Воейковой, а ею продано отцу нынѣшняго владѣльца лѣтъ сорокъ тому назадъ.

IV.

Съ западной стороны смежна съ Троицкимъ деревня Саларево, бывшая вотчина Сергіево-Троицкой Лавры, а нынѣ владѣніе государственныхъ крестьянъ; деревня съ прудомъ, изъ котораго истекаетъ рѣка Сѣтунь, давшая свое имя сосѣднему съ Саларевымъ стану. Объ этой дачѣ мы имѣемъ подъ руками четыре документа: 1) писцовую

книгу 1613 г., т. е. тотчасъ послѣ окончанія смуты; 2) подробную писцовую книгу Пушкина и Строева 1626 г.; 3) прошеніе архимандрита Сергіево-Троицкаго монастыря Іосифа съ братею о доставленіи имъ документовъ на владѣніе этой вотчиной 1710 года; и 4) челобитную 1711 г. въ Помѣстный приказъ отъ старосты д. Саларево, приписной въ Зеркальному заводу вотчины.

І. Книги Московскаго уѣзда Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчинамъ письма и дозора Ѳедора Семеновича Вельяминова да подъячаго Алексѣя Михайлова 7122 года.

Въ Сосенскомъ стану: пустошь, что было село Саларево Новое, да въ той же пустоши припущена была въ пашню п. Раевская, пашни перелогу и лѣсомъ поросло 158 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 180 копенъ, заустѣло отъ литовскихъ людей; п., что была д. Филатова, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли 10 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10 копенъ; п., что была д. Биберово, пашни перелогу и лѣсомъ поросло 25 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 20 копенъ, лѣсу непашеннаго роци 85 десятинь; п., что была д. Дудкино, пашни перелогу и лѣсомъ поросло середніе земли 49 ч. съ полуосминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 67 копенъ, лѣсу кустарю 7 десятинь съ полудесятиною, заустѣло отъ литовскихъ людей; п. Кусково, пашни лѣсомъ поросло середніе земли 50 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 80 копенъ, лѣсу кустарю 5 десятинь; п., что была д. Андреевская Бердино, пашни перелогу и лѣсомъ поросло 11 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10 копенъ; п., что была д. Рытово, Бритово тожъ, пашни лѣсомъ поросло середніе земли 14 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10 копенъ. И всего 7 пустошей, пашни перелогу и лѣсомъ поросло 309 ч. съ полуосминою, сѣна 377 копенъ, лѣсу роци 85 десятинь, да лѣсу кустарю 12 десятинь съ полудесятиною; а сошнова письма впустѣ четь и полчети и полполчети сохи и двѣ чети безъ третнива пашни.

А въ приправочныхъ книгахъ письма и мѣра Луки Новосильцова да подъячаго Алексѣя Шапилова 102 г. написано: сельцо Саларево да деревня да 5 пустошей да пустошь припуская, а въ сельцѣ и въ деревнѣ дворъ монастырской, а въ немъ живеть дворникъ, дворъ прикащиковъ, 19 дворовъ крестьянскихъ, дворъ бобыльской, а людей въ нихъ тожъ, пашни паханныя середніе земли 122 ч., да наѣзжіе пашни на монастырь 3 ч., да пашни жъ перелогомъ 61 ч., да лѣсомъ поросло 123 ч. съ полуосминою.

II. Въ книгахъ Московскаго уѣзда письма и мѣры Федора Пушнина да дьяка Андрея Строева 135 и 136 и 137 г. въ Сосенскомъ стану въ монастырскихъ вотчинахъ написано: вотчина Живоначальныя Троицы Сергіева Монастыря с. Саларево на прудѣ, да въ нему жъ припущено въ пашню п. Раевская, Раево тожъ; п. Филатово, п. Бибирево; п. Сѣрышово, да тое жъ п. Сѣрышевы изстари бывалъ въ ставокъ (выселокъ), а нынѣ слыветъ пустошь Ребинки, а Гаврилково тожъ, на прудѣ; п. Дудкино на прудѣ; п. Кусково на прудѣ; п. Андреевская, Бедрино тожъ; п. Рытово—Бритово; п., что былъ починокъ Новый Картмазовскій на прудѣ; п. Паршинская, Костроминская тожъ, на прудѣ; п. Троилово, а Троиликово тожъ, на вражкѣ; п. Красулинская, Копытово тожъ; п. Лугъ Долгій. И всего Троицы-Сергіева монастыря вотчины село да 13 пустошей, а въ нихъ пашни паханные и съ наѣзжею пашнею и перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли 402 ч. безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 495 копень, лѣсу непашеннаго и роци 106½ десятинь.

III. .... Сего де іюля 19 дня били челомъ великому государю приписной къ зеркальному заводу вотчины д. Саларевой староста Аванасій Васильевъ съ товарищи, а въ челобитной написано: въ Московскомъ де уѣздѣ въ Сосенскомъ стану въ писцовыхъ книгахъ 135 и 136 годовъ написаны вышеписанная д. Саларево за Троице-Сергіевскимъ монастыремъ, а въ той-де деревнѣ приписаны пустоши, въ томъ числѣ п. Сѣрышево, п. Ребинки, п. Кусково, и на тѣхъ де пустошахъ Московскаго жъ уѣзда того жъ Сосенскаго стана вотчины Николая да Василья Автамоновыхъ дѣтей Ивановыхъ села Троицкаго прикащикъ Яковъ Петровъ со крестьяны насильствомъ своимъ въ прошломъ 710 году по конецъ пустоши Кусковой посѣялъ рожь, а на пустоши де Сѣрышовой и Ребинкахъ косять сѣнные покосы; а въ нынѣшнемъ-де 711 г. тотъ же прикащикъ Яковъ Петровъ со крестьяны на пустоши Бибиревой лѣсъ вырубилъ и, выкопавъ, вспахалъ и хочетъ сѣять рожью.

Древнѣйшее село Саларево, по народному преданію, стояло выше нынѣшняго, которое занимаетъ, судя по своему положенію, мѣсто Новокартмазовскаго поселка. Въ описаніи границъ Таракмановскаго и Сосенскаго становъ 1679 г., межой со стороны Саларева указана объѣзжая Никольская дорога и п. Филатово, а со стороны села Передѣлецъ—пустоши Бекетово, Мишино, Михайловка и Мостищева (последняя пустошь нынѣ принадлежитъ къ сельцу Никольскому).

Вообще, насколько можно судить по преданіямъ, сохранившимся въ народной памяти, разсмотрѣнныя земли можно раздѣлять на три группы. Къ верхнему мысу общей дачи принадлежали Дудкино, Раево, Кошытово, Поршино и Дальній Лугъ—у самой границы села Говорова Сѣтунскаго стана. Къ южной группѣ, граничащей съ землями Никольскаго и Троицкаго, принадлежать, во первыхъ, Филатово, у самой Каменки и границы сельца Должниково, а потомъ и пустоши Рытово, Троилово и Андреевская. Наконецъ, въ длинномъ рукавѣ, который тянется отъ д. Дудкиной къ землямъ сель Богородскаго и Сергіевскаго, находились пустоши Бибирево, Кусково, Сѣрышово и Рабинки, Гаврилово тожь, на захватъ которыхъ троицкимъ помѣщикомъ жаловался саларевскій староста въ 1711 г. Эта мѣстность, въ особенности въ самомъ концѣ нынѣшней Саларевской дачи, подвергалась, повидимому, многимъ спорамъ и размежеваніямъ; тутъ слѣдуетъ искать и пустошь Харламово, Стойликово тожь, бывшую когда-то за Филипомъ Башмаковымъ и раздѣлившуюся позднѣе на двѣ половины между владѣніями Богородскими и Троицкими, которыя нынѣ именно эту мѣстностью другъ отъ друга и раздѣляются. Тутъ же слѣдуетъ искать и пустошь Марьинъ Починокъ, Рабинки тожь, которую такъ тщетно отыскивали и настоятель Андреевскаго монастыря Пимень, и купившій ее у него думный дьякъ Аутамонъ Ивановъ. Нельзя не замѣтить еще, что и часть Ляховской пустоши, или лежащей у самой Калужской дороги Теплостанской земли, также до сихъ поръ известна крестьянамъ подъ именемъ Рабинокъ, почему и можно предположить, что эта пустошь издревле протягивалась узкой полосой отъ бывшаго изстари Сѣрышева поселка до самой большой дороги. Пустошь Картомазово, наконецъ, должна была, повидимому, граничить съ землями этого сельца, лежавшаго къ юго-востоку отъ Саларева у самой границы Сѣтунскаго стана, къ которому и перешла впоследствии.

V.

Верстахъ въ полторыхъ направо отъ Саларева, на границѣ Звенигородскаго уѣзда, находится деревня Картмазово, когда-то бывшая сельцомъ и селомъ съ вотчинниковыми хоромами. По писцовымъ книгамъ 7136 года, прежде с. Картмазово на рѣкѣ Сѣтунѣ считалось Сосенскаго стана, но позднѣе перешло въ Сѣтунскій. Оно было тогда помѣстьемъ стрѣлецкаго головы Константина Чернышова, перваго предка графовъ сего имени, а прежде того было за Яковомъ Картмазовымъ да за стрѣлецкими сотниками Узкимъ и Небрасовымъ. „Дворъ помѣщиковъ, а въ немъ живутъ люди Иваша Карниловъ, да татаринъ

Алешка Артемьевъ (крестьянъ не было). Да еще 2 пустоши Хопылово и Катериновка на оврагѣ. Чернышовъ владѣлъ этимъ помѣстьемъ въ 1616—1644 гг. Послѣ него Картмазово раздѣлено на два жеребья Кузареву и Алферью Кузовлеву, которые, купивъ себѣ эти земли въ вотчины, продали ихъ, нѣсколько лѣтъ спустя, окольникову (впослѣдствіи боярину) кн. Дмитрію Алексѣевичу Долгорукому, извѣстному тѣмъ, что четыре раза былъ женатъ; онъ умеръ въ 1674 г., оставивъ двухъ сыновей: боярина кн. Владиміра и окольного кн. Ивана. При нихъ была выстроена деревянная церковь во имя Покрова св. Богородицы, снесенная въ началѣ нашего вѣка по ея ветхости, но основанная въ память престольнаго праздника ежегодное гулянье 1 октября. Село распалось на двѣ половины; изъ нихъ часть князя Ивана Дмитріевича перешла, по смерти его въ 1691 г., дочери его Маріи Ивановнѣ Нарышкиной, мужъ которой, Иванъ Михайловичъ, былъ начальникомъ Соляной конторы въ Москвѣ. Этотъ Нарышкинъ купилъ въ 1749 г. и другую половину села за 1350 руб. у кн. Андрея Яковлевича Крапоткина, купившаго за 7 лѣтъ передъ тѣмъ это имѣніе у внука кн. Владиміра Дмитріевича, кн. Николая Долгорукаго за 900 р.

Въ 1788 же году, по смерти своихъ родителей, Иванъ Ивановичъ Нарышкинъ и сестра его дѣвица Наталья продали Картмазово съ 8-ю душами мужескаго пола и 5-ю женскаго крестьянъ „отъ армін генераль-маіору, кавалергардскаго корпуса корнету, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка премьеръ-маіору, Санктпетербургскаго драгунскаго полка шефу, Ея Императорскаго Величества флигель-адъютанту и дѣйствительному камергеру“ Александру Матѣевичу Дмитріеву-Мамонову за 9500 р. государственными ассигнаціями. Отъ любимца Екатерины II графа Александра Мамонова, умершаго въ 1803 г., Картмазово перешло сначала къ его дочери дѣвицѣ и фрейлинѣ Ея Величества, а потомъ, въ двадцатыхъ годахъ, къ ея несчастному брату графу Матѣю, извѣстному въ Москвѣ по своему несмѣтному богатству и долготѣтнему умственному разстройству. Въ это время уничтожилась не только церковь, но и барская усадьба села, перестроенная въ суконную фабрику мѣстнымъ крестьяниномъ Антоновымъ.

VI.

Возвращаясь по большой Калужской дорогѣ, по лѣвой сторонѣ ея, изъ Конькова въ Теплый Станъ, среди лѣсистой, высокой мѣстности, мы увидимъ барскую усадьбу села Ускова, съ большой

каменной церковью во имя Казанской Божьей Матери очень изящной архитектуры, съ каменными конными и скотными дворами и съ богатыми оранжереями. Нынѣшняя Усковская дача составлена изъ множества пустошей, въ первой половинѣ XVII в. постепенно выкупавшихся бояриномъ Максимомъ Ѳеодоровичемъ Стрѣшневымъ изъ порозжихъ земель Сосенскаго стана.

Въ 7137 г. за этимъ бояриномъ считались: п. Середняя, полпустошь Усково, что были за Петромъ Огнѣ-Плещевымъ; другая половина п. Усково, Даниловка (на Коньковскомъ оврагѣ), Борисовка (нынѣ церковная земля), Михайловка, на оврагѣ того же имени; двѣ погорѣлыя поляны, лежація всѣ по лѣвую сторону Калужскаго тракта и принадлежавшія прежде того кн. Афонасію Гагарину; да по правой сторонѣ дороги: бывшія въ помѣстномъ владѣніи за кн. Дм. Оболенскимъ и Петромъ Неѣловымъ пустоши Кувардино (Униково тожъ), и Темирово и Огурцово (Ершово тожъ)—обѣ на Нераковомъ оврагѣ и смежныя съ селомъ Троицкимъ (Ладогоино, Стояново тожъ) и Возцы (Теплый Станъ тожъ), гдѣ нынѣ деревня сего имени. Въ этомъ составѣ вотчина боярина Максима Ѳеодоровича представляетъ собой 346 ч. пашни, 328 копенъ сѣновосу и 68 десятинъ лѣсу. Въ 1640 г. прикуплены Стрѣшневымъ еще пустоши: Алтухово, Бабино, Кабанья Голова и Тутолминъ Починокъ на Кузнецкомъ оврагѣ, т. е. по лѣвой сторонѣ нынѣшней деревни Теплый Станъ—всего 20 ч. пашни и 115 десятинъ лѣсу. Наконецъ, въ 1643 г. прикуплены еще изъ обводныхъ порозжихъ земель три пустоши: Лыски и Глинище, лежація межъ Калужскими зимней и лѣтней дорогами, и пустошь Волотухино по обѣ стороны Калужской дороги на Волотужскомъ оврагѣ; кромѣ того два буерака, сошедшіе подъ селищемъ (т. е. на мѣстѣ нѣкогда существовавшего поселка), а въ нихъ вода безпереводная, у большой Калужской дороги. По измѣренію генеральнаго межеванія, во всей Усковской дачѣ въ ея нынѣшнемъ составѣ считалось 670 десятинъ.

Въ 1657 г. вотчина Максима Стрѣшнева справлена за сыномъ его Григоріемъ и упоминается уже селомъ Усковымъ. Восемь лѣтъ спустя, по смерти Григорія, часть Ускова переходитъ къ его брату Якову Максимовичу, а именно одинъ дворъ вотчинникѣвъ да 6 дворовъ крестьянскихъ и при семъ 389 ч. съ полуосминою.

Въ дозорной книгѣ церковныхъ земель 1680 года сказано: „Казанская Пресвятой Богородицы церковь въ селѣ Усковѣ, вотчина стольника Якова Максимовича Стрѣшнева: попа дома не было и сказокъ взять не у кого“. На старинной мѣстной иконѣ Казанской Божьей Матери есть слѣдующая надпись, безъ обозначенія года: „О,

милосердія Мати, Владычице неба и земли, Пречистая Дѣва Богородице, рождающая истиннаго Бога плотию, умильно взирающая на пречистый Твой образ! спаси благовѣрнаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и великаго господина святѣйшаго кярь Андріяна, архіепископа Московскаго, и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, и вся люди твоя и раба своего*), воздвигшаго Тебѣ, яко одушевленному Христу, храмъ сей“.

Въ 1691 г. Дмитрій Яковлевичъ Стрѣшневъ продалъ за 5000 р. всю свою вотчину своему родственнику, именитому другу Петра I и матери его Натальи Кириловны, боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу († въ 1719 г.) Тихонъ Никитичъ завѣщаль свою вотчину внучкѣ своей Софіи Ивановнѣ, бывшей замужемъ за адмираломъ кн. Борисомъ Голицынымъ; въ завѣщаніи упомянуты, кромѣ 7 крестьянскихъ дворовъ въ самомъ селѣ, также 2 двора въ п. Возцы (Теплый Станъ тожъ). Княгиня Голицына скончалась въ 1739 г., а супругъ ея въ 1768 г.

Усково досталось кн. Алексѣю Борисовичу Голицыну по смерти его матери и передано имъ въ приданое дочери его княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ при выходѣ ея замужъ за графа Петра Александровича Толстого, одного изъ славнѣйшихъ сподвижниковъ нашей отечественной войны. Заслуживши Георгіевскій крестъ въ своей молодости подъ начальствомъ Суворова при взятіи Праги, онъ уже въ 1805 г. состоялъ генераль-адъютантомъ императора Александра I, въ 1807 и 1808 годахъ былъ нашимъ посломъ въ Парижѣ при Наполеонѣ, а потомъ начальникомъ Петербургскаго народнаго ополченія въ 1812 г.; командовалъ тремя арміями во время польскаго возстанія 1830 г. и былъ предсѣдателемъ департамента военныхъ дѣлъ Государственнаго совѣта; скончался 75 лѣтъ отъ роду въ 1844 г., живя уже нѣсколько лѣтъ на покой въ Москвѣ. Онъ былъ, какъ и наследовавшій ему во владѣніи Усковымъ графъ Владиміръ Петровичъ († 1875), страстный любитель и знатокъ садоводства; онъ основалъ въ Усковѣ великолѣпныя оранжереи и теплицы, славящіяся понынѣ во всемъ округѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ Конькова, по большой Калужской дорогѣ, вѣзжаемъ мы въ деревню Теплый Станъ. Когда существовалъ еще почтовый трактъ по этой дорогѣ, то въ Тепломъ стану была первая почтовая станція послѣ Москвы, и здѣсь, по разсказу старожиловъ, Наполеонъ мѣнялъ лошадей, покидая нашу погорѣлую столицу.

*) Вѣроятно, Тихона Никитича Стрѣшнева.

Народное преданіе приписываетъ имя этой деревни тому, что здѣсь, будто бы, зимовалъ какой то татарскій ханъ, шедшій на Москву, но не посмѣвшій итти далѣе этого мѣста. Деревня дѣлится собственно на два или даже на три отдѣльные поселка: Верхній Станъ, принадлежащій къ селу Троицкому, и Нижній — къ селу Ускову; кромѣ того, по лѣвой сторонѣ деревенской улицы, на вершинѣ танущагося отъ дороги къ селцу Голубину Кузнецкаго оврага, находятся два—три двора, къ нему принадлежащіе. Но есть много данныхъ предполагать, что здѣсь была осѣдлая мѣстность гораздо раньше, судя по сошедшимся здѣсь пустошамъ Тутолминъ Починокъ и Волотухино Селище; быть можетъ, и пустошь Марьянъ Починокъ относилась сюда же. Кромѣ того, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв. видимъ мы тутъ еще два поселка села Кузнецы: Троицкое и Голубинское; здѣсь же скрывается, вѣроятно, и неотысканная нами пустошь Зубово на Калужской дорогѣ, принадлежавшая къ селу Ясневу въ 1677 г.

По плану генеральнаго межеванія видно, что деревни Верхній и Нижній станы были въ то время гораздо отдаленнѣе другъ отъ друга, чѣмъ теперь, когда обѣ деревни, составляютъ собой почти одно сплошное цѣлое.

VII.

Налѣво отъ большой дороги, на вершинѣ Кузнецкаго оврага и по обоимъ берегамъ рѣчки Обицы, расположены двѣ, нынѣ отдѣльныя, усадьбы съ деревнями—Большое и Малое Голубино, составившія въ 7137 г. одну общую вотчину Тимофея Измайлова. — Сельцо Голубино, Каливино тожъ, съ деревней Фролово (вѣроятно, нынѣшнее Малое Голубино), и Кузнецы (въ старину Починокъ Теплаго Стана съ бывшими пустошами при сельцѣ) было сначала за Алексѣемъ Плещеевымъ и кн. Василюемъ Мосальскимъ. Стольникъ Измайловъ раздѣлилъ имѣніе свое на три части между своими сыновьями. Въ 1653 г. выдѣлилъ онъ Александра и Петра, а потомъ Михаила, вскорѣ умершаго бездѣтнымъ. На жеребій двухъ послѣднихъ досталось сельцо Фролово, т. е. М. Голубино, которое между сыновьями и внуками Петра Тимофеевича раздѣлилось на три части, и всѣ скуплены въ 1746 и 1747 годахъ Сергѣемъ Александровичемъ Салтыковымъ. По смерти послѣдняго въ 1751 г., эта подмосковная осталась за вдовой его Вѣрой Ивановной, урожденной Лихаревой, чѣмъ и оканчиваются наши свѣдѣнія объ этомъ имѣніи, почерпнутыя изъ Вотчиннаго архива.

Нынѣ Малое Голубино принадлежитъ генералу Миллеру. Жеребій Александра Измайлова, состоящій изъ сельца Голубина (большаго)

съ деревней Кузнецы (часть Теплаго Стана) перешелъ черезъ единственную дочь его княгиню Анну Кольцову-Мосальскую къ ея тремъ сыновьямъ князьямъ Василю, Ивану и Дмитрію Андреевичамъ. Жеребій кн. Василя перешелъ къ его дочери Александрѣ Васильевнѣ Чичериной; жеребій Ивана попалъ по просроченной закладной въ руки какого то заимодавца Кончагова; а третій жеребій, кн. Дмитрія, по указу Тайной Канцеларіи розыскныхъ дѣлъ въ 1719 г., былъ съ прочими его имѣніями описанъ на государя за начеты и похищенія Бахмутской денежной казны, гдѣ кн. Дмитрій служилъ воеводой. Въ томъ же году этотъ жеребій сельца Голубина пожалованъ кн. Григорію Юсупову, принимавшему дѣятельное участіе въ осужденіи кн. Мосальскаго и конфискаціи его имущества. Только въ 1733—1735 гг. всѣ три участка Большаго Голубина были соединены опять тогдашнимъ московскимъ вице-губернаторомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, скупившимъ ихъ у Чичериной, Кончагова и Юсупова. Въ продолженіе какихъ нибудь 30 лѣтъ это имѣніе отъ Зернова переходило черезъ нѣсколько рукъ: оно было и за кн. В. С. Долгорукимъ, и за Яковомъ Комаровымъ, наследниками котораго оно въ 1777 году продано было доктору медицины барону фонъ-Ашъ.

VIII.

Позади Усковскихъ и Голубинскихъ земель, по лѣвому берегу рѣчки Обицы, находится большая, когда то государева, вотчина село Яснево, относившаяся вѣрнѣе къ Ратуеву стану, но часто значившаяся по старымъ вотчиннымъ дѣламъ и въ Сосенскомъ.

Великолѣпная Ясневская усадьба на высокой горѣ видна за много верстъ издали; она и понынѣ славится своими обширными садами и роскошью своихъ цвѣтниковъ. Въ саду существуетъ устарѣлый и громадный дубъ, для поддержки нынѣ скванный желѣзными обручами, подъ которымъ, по мѣстной легендѣ, сживалъ Петръ Великій, когда прѣвзжалъ въ гости къ своему тестю боярину Федору Абрамовичу Лопухину.

Въ началѣ XVII в. мы находимъ Яснево съ его многочисленными пустошами въ помѣстномъ владѣніи боярина кн. Александра Львова; по его смерти въ 1653 г., оно отписано „на великаго государя“ и только по случаю бракосочетанія царя Петра Алексѣевича съ Евдокіей Лопухиной пожаловано ея отцу Федору Абрамовичу въ вотчину. Въ 1713 г. оно переходитъ къ сыну его Абраму Лопухину, отъ него во второму Федору Абрамовичу, а потомъ и ко вдовѣ его Вѣрѣ Борисовнѣ, урожденной Шереметевой. За ней считалось Яснево во время генер.

межеванія, но продано въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка кн. Андрею Гагарину, а въ 1818 г. перешло къ племяннику его, кн. Сергѣю Ивановичу Гагарину, отцу нынѣшней владѣтельницы Маріи Сергѣевны Бутурлиной.

Нынѣшняя каменная церковь во имя апостола Петра и Павла выстроена была въ 1737 г. бригадиромъ Ѳеодоромъ Лопухиннымъ, а придѣлъ св. Варвары — княземъ Гагаринимъ въ 1832 г. Превжная трехъэтажная деревянная церковь находилась, повидимому, тамъ, гдѣ нынѣ усадьба причта и гдѣ замѣтны еще иѣкоторыя надгробныя плиты. Въ церковной ризницѣ сохранилась подробная выписка изъ писцовыхъ, межевыхъ и доворныхъ книгъ 1673—1677 гг., которую мы, по крайней любознательности многихъ подробностей въ ней, цѣликомъ приводимъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Версты за три за Ясневимъ, ближе къ старой Серпуховской дорогѣ, красуется посреди живописной, лѣсной мѣстности барская усадьба села Знаменскаго, Садки тожъ, съ большимъ каменнымъ домомъ, фруктовыми оранжереями и небольшою домовою церковью изящнаго зодчества, относящейся къ послѣднимъ годамъ XVII в., тогда какъ другія строенія, очевидно, новѣйшей постройки. Нынѣ въ селѣ крестьянъ нѣтъ, такъ какъ уже лѣтъ сто тому назадъ они всѣ были переселены на старую Серпуховскую дорогу въ деревню Обицы, или Бицы, образовавшую вполнѣдствіи новый выселокъ на Серпуховскомъ шоссе, названный новымъ въ различіе отъ старыхъ Бицъ.

Другая деревня Качалово, принадлежащая къ Знаменскому, хотя и зовется иногда нынѣ селомъ, по непосредственному ея сосѣдству съ древнимъ Пятницкимъ погостомъ села Кіова, но тѣмъ не менѣе и нынѣ по межевымъ книгамъ считается деревней, совсѣмъ отдѣльной отъ своей приходской церкви. А именно уже въ 1676 г. въ писцовыхъ книгахъ записано: „за селомъ Кіовымъ церковное мѣсто, гдѣ была церковь св. мученицы Параскевы, нареченной Пятницы; пашня церковная за рѣчкой Обицей, отъ Серпуховской большой дороги къ землѣ деревни Качалова, 8 ч.“

Большая деревня Садки на Обицѣ никогда собственно не принадлежала къ Сосенскому стану, но тѣмъ не менѣе входитъ въ районъ нашего изслѣдованія по многимъ деревнямъ и пустошамъ разсматриваемаго нами стана, вошедшимъ въ общее владѣніе села Знаменскаго. Такъ и д. Качалово считалась по первымъ писцовымъ книгамъ Сосенскаго стана, принадлежала кн. Ивану Ѳеодоровичу Щербатову († 1672 г.) и была еще при генер. межеваніи за правнукомъ его кн. Григоріемъ Алексѣвичемъ. Послѣдній вскорѣ продалъ своему

сосѣду, знаменскому вотчиннику кн. Трубецкому, Качалово съ пустошами и вновь образовавшійся на старой Серпуховской дорогѣ качаловскій выселокъ, по лѣвой сторонѣ старой Серпуховки—пол-деревни Бицы или Обицы, другая половина которой по правой сторонѣ дороги выселена изъ деревни Садки, нынѣ вовсе ураздненной.

Деревня Садки съ пустошью Максимовкой (Чермск. стана) и съ другими деревнями Сосенскаго стана Бачуринимъ и Быковымъ была за Леонтіемъ Ладыженскимъ и сыновьями его Обросимомъ и Евстратіемъ. Всего земли въ ней съ пустошью 101 ч., а доброй земли 81 четверть въ полѣ, а въ двухъ по тому жъ. Сѣнокоса 115 копентъ, а лѣса 16 десятинат. Къ этой деревнѣ Ѳедоръ Абрамовичъ Ладыженскій прикупилъ въ 1636 г. пустошь Ярцево на оврагѣ того же имени 61 ч. у вдовы умершаго пять лѣтъ передъ тѣмъ кн. Ивана Барятинскаго. Въ 1676 г. Ѳедоръ Ладыженскій продалъ эту вотчину, д. Садаи съ пустошами Ярцево и Мотовилово, Максимово тожъ, зятю своему кн. Никитѣ Семеновичу Урусову. Съ своей же стороны кн. Урусовъ купилъ въ 1680 г. у Романа Мотова его подмосковную вотчину Сосенскаго стана деревню, что была пустошь Коровкино, Ортеево, Артемьево тожъ, на Обицѣ и на Ярцевомъ оврагѣ, бывшую помѣстнымъ владѣніемъ подъячаго Матюшкина, а раньше того дѣла Строева. Всей земли 30 ч., а доброй землей съ наддачею 24 ч., сѣна вдоль рѣчки и оврага 45 копентъ, лѣсу 4 десятины. По духовной кн. Никиты, писанной въ 1700 г., Садки значатся уже селомъ, что и даетъ право предполагать кн. Никиту Урусова строителемъ Знаменской церкви; послѣдняя, быть можетъ, и была перестроена впоследствии князьями Трубецкими, при которыхъ это село начало носить имя Знаменскаго. Въ 1750 г. внукъ кн. Никиты, кн. Василій Семеновичъ, продалъ свою вотчину за 7000 р. княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Трубецкой, отъ которой она перешла ея родному племяннику кн. Дмитрію Юрьевичу Трубецкому; послѣдній, женившись на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Одоевской, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ еще полсела Ивановскаго, смежнаго съ Знаменскимъ, съ деревнями Гавриково, Щибарово и Язва, о которыхъ упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Устройство и постройка нынѣшней Знаменской усадьбы приписывается кн. Дмитрію Юрьевичу, который, какъ сказано выше, уразднилъ деревни Садки и Коровкино, переселивъ своихъ крестьянъ на старую Серпуховскую дорогу, на которой пол-сельца Бицы и Обицы во время генер. межеванія числились за нимъ. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта подмосковная продала правпучкой его княгиней Орловой И. П. Шабликину, а имъ перепродана М. Н. Каткову. Быть

можетъ, найдутся еще старожилы, которые въ состояніи указать селѣще Коровкино и самую деревню Садки, если она не занимала мѣста нынѣшней Знаменской усадьбы; во всякомъ случаѣ, слѣдя по берегу Обицы, встрѣчаемъ сначала деревню Садки, а при совпаденіи Обицы съ Ярцовскимъ оврагомъ и деревушку Коровкино.

IX.

Перейдя на южный берегъ рѣчки Обицы, мы изъ нынѣшняго Московскаго уѣзда вступаемъ въ Подольскій въ той части Калужской дороги, которая ведетъ изъ Теплаго Стана въ деревню Сосенки. Поэтому обращаемся теперь къ той группѣ имѣній Сосенскаго стана, которая простиралась налѣво отъ Калужской дороги до Старой Серпуховской. Центромъ этой группы представляется обширная вотчина князей Одоевскихъ, относящаяся къ селу Ивановскому и отошедшая на половину къ знаменскимъ владѣніямъ, почему къ ней прежде всего и обратимся.

Когда то барское село Ивановское нынѣ представляетъ лишь церковный погостъ съ большими ямами, полными мусора, на мѣстѣ прежнихъ хоромъ князей Одоевскихъ, съ каменной церковью Введенія во Храмъ Пресв. Богородицы съ зимнимъ придѣломъ во имя Николая Чудотворца. Внутри храма, противъ главнаго придѣла, у стѣны, воздвигнуть громадный саркофагъ, въ стилѣ мраморныхъ гробницъ католическихъ церквей Италіи, съ обрубленной колонной и гербомъ князей Одоевскихъ, но аляповатой, грубой штукатурной работы и закрашенный подъ общій зеленоватый цвѣтъ церковныхъ стѣнъ. Надпись у подножья саркофага гласитъ о четырехъ лицахъ изъ семьи кн. Одоевскихъ, покоящихся подъ плитами церковнаго пола: князей Петра († 1749) и Ивана († 1775) и родителей ихъ кн. Михаила и княгини Евдокии.

Въ концѣ XVII в. прикуплены были къ Ивановской вотчинѣ ея тогдашними владѣльцами многія сосѣднія деревни и пустоши, изъ которыхъ послѣднія потеряли свои первоначальныя названія или въ эпоху генеральнаго межеванія обмѣняли ихъ на другія, или слились въ болѣе крупныя межевыя дачи, что весьма затрудняетъ подробный розыскъ этихъ древнѣйшихъ пустошей. По писцовымъ книгамъ Пушкина и Строева 1628 г., сельцо (еще безъ церкви) Ивановское было помѣстьемъ кн. Ѳедора Телятевскаго, получившаго оное по смерти отца своего, боярина кн. Андрея Андреевича. „А въ сельцѣ дворъ помѣщиковъ, въ немъ трое дѣловыхъ людей, дворъ скотный, дворъ конный, а въ немъ конюхъ Ѳедька, да портной мастеръ Микушка

Васильевы. Середней земли пашни наѣздомъ паханной 25 ч., перелогомъ 100 ч. въ полѣ, 120 копенъ сѣнокоса и 9 десятинъ лѣсовъ непашеннаго“. Въ 1644 г. Ивановское было дано въ помѣстье боярину кн. Федору Никитичу Одоевскому, а по его кончинѣ (1656 г.) его сыну, боярину Василю Федоровичу, который былъ въ то время кравчимъ, а позднѣе, при царевнѣ Софіи, дворецкимъ и начальникомъ приказа Большого Дворца и многихъ другихъ приказовъ; онъ женатъ былъ на дочери ученаго воспитателя и друга царя Федора Алексѣевича боярина Федора Ртищева. Князь Василій Одоевскій еще тогда построилъ первоначальную деревянную церковь с. Ивановскаго, внесенную уже въ доворныя церковныя книги конца XVII в. За нимъ же, бояриномъ кн. Василиемъ, въ это время считались 4 двора задворныхъ людей съ 25 человекъ челяди, 25 дворовъ бобыльскихъ съ 103 человекъ безземельныхъ бобылей, и въ двухъ деревняхъ Губкино и Долгая Язвенка до 128 душъ крестьянъ. Въ 1673—1707 гг. князьями Одоевскими прикуплено къ прежней Ивановской вотчинѣ множество сосѣднихъ земель, а именно: 1) купленная у княгини Анисии Федоровны Лобановой-Ростовской деревня Долгая Язвенка, съ вотчинниковъ и 4 бобыльскими дворами; къ ней же относятся полупустоши Язвенка (Щиборово тожъ), Борюшня (Колесниково тожъ), пустоши Волково и Красино (Крысино), бывшее за отцомъ княгини Федоромъ Олябьевымъ и данное въ вотчину еще ея дѣду Андрею Олябеву въ 1619 г. за его „осадное сидѣнье“, да еще въ Молоцкомъ станѣ, на рѣчкѣ Язвенкѣ, полупустоши Левинская и Волково (Хохлово тожъ), доставшіяся ей, княгинѣ Лобановой, отъ родного дяди ея Григорія Андреевича Олябева; 2) другія половины тѣхъ же пустошей, бывшія прежде въ помѣстьяхъ за подьячими Помѣстнаго приказа Бажаномъ (?) и Гавриловымъ и данныя въ 1608 г. въ вотчину Андрею Дмитровичу Есипову, которыя въ 1670 г. были проданы сыновьями Есипова Петру Абрамовичу Лопухину, а три года спустя перепроданы имъ кравчему кн. Василю Одоевскому за 350 р., 3) въ Черемскомъ стану д. Гавриково, купленная у Ильи и Василя Безобразовыхъ; 4) пустошь, а позднѣе д. Высокая, купленная въ 1707 г. у Бачуринскаго помѣщика Ладыженскаго. Кромѣ того къ самому селу Ивановскому причислялись, кромѣ деревни Губкино, еще ниже пустошь Юровъ, Кашино и отдѣльная пустошь Нелькино (Нѣмкино тожъ).

По смерти дворецкаго кн. Василя и жены его княгини Акулины Федоровны, скончавшихся въ 1687 г., Ивановское перешло къ дѣду кн. Василя, маститому боярину кн. Никитѣ Одоевскому, пережившему всѣхъ сыновей и двухъ внуковъ. А два года спустя, раздѣ-

лена эта вотчина на два жеребїа между внуками кн. Никиты, князьями Михайломъ и Василюмъ Юрьевичами; послѣ же нихъ эти двѣ половины достались ихъ сыновьямъ, двумъ князьямъ Иванамъ. Послѣдніе построили нынѣшнюю каменную церковь, вмѣсто прежней деревянной, въ которой кн. Иванъ Михайловичъ устроилъ семейную усыпальню. По его смерти вотчина перешла къ сыну его, князю Петру, который, переживя единственнаго сына князя Сергѣя, убитаго въ 1812 г. подъ Бородинымъ, пожертвовалъ село Ивановское съ деревней Губкиной московскому Человѣколюбивому Обществу; послѣднее распорядилось продать на сломъ всѣ строенія бывшей княжеской усадьбы. Другая же половина села, доставшаяся по раздѣлу въ 1689 г. кн. Василю Юрьевичу, перешла въ приданое его внучкѣ княжѣ Варварѣ Ивановнѣ, вышедшей замужъ за Знаменскаго вотчинника кн. Дмитрія Юрьевича Трубецкого, вслѣдствіе чего весь этотъ жеребїй села Ивановскаго и присоединился къ селу Знаменскому. Ивановскіе старожилы и нынѣ еще рассказываютъ про роскошь и великолѣпніе княжескихъ хоромъ, садовъ и всей усадьбы съ тремя прудами, мельницей на рѣчкѣ Варваркѣ, конными и скотными дворами, оранжереями и шляпочной фабрикой! Къ жеребью княгини Трубецкой принадлежали и 4 деревни: Язва (древняя долгая Язвенка), Щиборово, Гавриково и упраздненный нынѣ поселокъ Высокій.

X.

Возвращаясь обратно къ Калужской дорогѣ, между ней и правымъ берегомъ рѣки Обицы находимъ еще три небольшія вотчины, о которыхъ сохранилось весьма мало свѣдѣній въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

1) На самой Обицѣ сельцо Бачурино съ упраздненной нынѣ деревней Быковкой, искони принадлежавшее семьѣ Ладыженскихъ, хотя и застаетъ ихъ въ двухъ разныхъ жеребїяхъ съ начала XVII в. Быково съ пустошью Гнѣздниково считалось въ 7137 г. помѣстьемъ Абросима Ивановича и Евстрата Леонтьевича Ладыженскихъ, а прежде было за ихъ отцами. За Ѳедоромъ Ладыженскимъ въ 7136 г. значится: д. Бачурино на оврагѣ, Щетинино, Кашино тожъ, и п. Харилово (Полянка, Власово тожъ). Всего пашни паханой, перелога и лѣсомъ поросло средней земли 100 чети, доброю же землей съ наддачей 80 ч.; да въ пустоши Чермскаго стана Высокой пашни средней земли съ перелогамъ 20 ч. За Обросимомъ же Ладыженскимъ написана деревня Быково съ пустошью Гнѣздино, наѣздомъ пахано 12 ч. съ осминой, а доброй землей съ наддачей 10 ч. да перелогомъ и лѣсомъ по-

росло 112 ч. съ осминой, а доброй землей 90 ч. въ полѣ, а въ двухъ по тому жъ.

Быково въ 1682 г. дано въ вотчину стольнику Ивану Михайловичу Ладыженскому за Троицкій походъ. Бачурно же съ принадлежащей къ нему пустошью Высокой на рѣкѣ Обицѣ, Чермскаго стана, принадлежало Ѳедору Ладыженскому, а впослѣдствіи сыну его Юрію. При генеральномъ межеваніи владѣли этими имѣніями Зиновьева и Лунина, — обѣ, вѣроятно, урожденныя Ладыженскія; около 1780 г. проданы обѣ деревни Петру Ѳадѣевичу Тютчеву, человѣку деспотическому и жестокому, который за какую то провинность всѣхъ крестьянъ Быкова сослалъ въ Сибирь на поселеніе и деревню эту уничтожилъ; въ концѣ жизни своей онъ былъ взятъ подъ опеку за жестокосердое обращеніе съ своими вѣрными людьми. Еще въ 1850 г. Бачурно, по указанію Нистрома, принадлежало Тютчевымъ, но вскорѣ послѣ того было продано Тюлевымъ.

2) Деревня Потапово была долгое время помѣстьемъ Сабурова и вотчиной Сумароковыхъ, въ половинѣ прошлаго вѣка принадлежала генералу Чекину, а позднѣе куплена Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и присоединена къ селу Воскресенскому. Сельцо Фатырево или Фитарево, на рѣкѣ того же имени и Рылковомъ оврагѣ, появляется въ 1628 г. вотчиной стольника кн. Савелія Ивановича Козловскаго, а потомъ переходитъ къ его сыну кн. Григорію и внуку кн. Семену. По нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что до 1628 г. это имѣніе входило въ составъ сосѣдней Столбовской дачи, какъ укажемъ это дальше.

Послѣ князя Семена Козловскаго Фитарево стало переходить изъ рукъ въ руки. Не найдя о немъ никакихъ свѣдѣній въ Вотчинномъ архивѣ, мы можемъ, на основаніи однихъ преданій, метрикъ церковныхъ и плана генеральнаго межеванія, только назвать фамиліи Шидловскихъ, Юрьевыхъ (1767), князей Цициановыхъ и Рѣпниныхъ, какъ временныхъ владѣльцевъ Фитарева; оно принадлежало въ послѣднее время недавно умершему генераль-маіору Ѳедору Васильевичу Павлову. Рассказываютъ, будто въ 1812 г., при выступленіи французовъ изъ Москвы, въ Фитаревѣ ночевалъ маршалъ Ней и будто-бы даже забылъ здѣсь свою шпагу и нѣсколько черновыхъ бумагъ на французскомъ языкѣ. По южную сторону Рыкова оврага находится небольшая, но красивая усадьба сельца Столбова.

За князя Иваномъ князь Львовымъ сыномъ Мосальскимъ старое его помѣстье деревня Столбово на рѣкѣ на Вздериножкѣ, а въ ней дворъ помѣщиковъ, дворъ прикащиковъ, 2 двора крестьянскихъ,

а людей въ нихъ 3 человекъ, да дворъ бобыльскій, а въ немъ бобыль, пашни паханные середніе земли четверикъ да наѣздомъ 15 четвертей, а доброю землею съ наддачею 88 четвертей безъ четверика въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу непашеннаго 20 десятинъ. А сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ пол-чети сохи; а платитъ съ живущаго въ сошное письмо съ четверика. А владѣть князь Иванъ тѣмъ помѣстьемъ по государевѣ ввозной грамотѣ за приписью дьяка Герасима Мартемьянова 127 года“.

Вѣроятно, къ тому же 1619 году относится межа, учиненная между сельцомъ Сосенками (еще не село) Симонова монастыря и помѣстною землею вн. Ивана Мосальскаго, деревнею Столбово,—межа, указывающая между прочими границами Столбова рубежъ князя Ивана Хованскаго (т. е. сельца Никольскаго)—дорогу, что ѣздятъ изъ Голубина въ Бачурино, Симонова монастыря пустошь Меглино и Тимофея Измайлова пустоши Овсянниково и Терешкино (т. е. Голубино), что, очевидно, включаетъ всю Фитаревскую землю въ Столбовскую дачу.

Князь Иванъ Львовичъ Мосальскій въ „Россійской Родословной книгѣ“ вн. Долгорукова не упомянутъ, почему намъ и невозможно опредѣлить его родство къ наслѣдовавшимъ ему князьямъ Ивану и Федору Михайловичамъ Кольцовымъ-Мосальскимъ, при владѣніи которыми въ 1679 году учинено было второе размежеваніе Столбова съ Неглинной пустошью села Соснина и землею стольника вн. Савелія Козловскаго, въ которомъ упоминается и Рыкинъ оврагъ. Позднѣе Столбово раздѣлилось на два участка между сыновьями князя Ивана Михайловича въ 1702 году. Эти сыновья были: князь Яковъ, женатый на Аннѣ Евдокимовнѣ Языковой, и князь Петръ Ивановичъ, предѣлъ послѣдняго владѣльца Столбова, князя Александра Александровича, продавшаго эту родовую вотчину лѣтъ 30 тому назадъ г. Карновичу. У князя же Якова была единственная дочь княжна Евдокія, бывшая замужемъ за фендрикомъ, впоследствии лейтенантомъ Преображенскаго полка кн. Петромъ Ивановичемъ Дашковымъ, дочь котораго княжна Елена вышла за вн. Михаила Сергѣевича Долгорукова и наслѣдовала послѣ матери въ 1731 г. половину сельца Столбова. Долгорукова умерла бездѣтною, и по смерти ея все имѣніе соединилось опять въ рукахъ внука князя Петра Ивановича.

3) Столбовская земля лежитъ у самой Калужской дороги, по лѣвой ея сторонѣ, а на югѣ смежна съ селомъ Соснино, при впаденіи рѣчки Фатыревки или Вздериножки въ Сосенку. Это село, принадлежавшее прежде Симонову монастырю и взятое послѣ въ Коллегію Экономіи, состоитъ нынѣ изъ одной только церкви Казанской Божіей

матери и домовъ церковнослужителей, такъ какъ всѣ крестьянскіе дворы перебрались уже давно за полверсты дальше на Калужскую дорогу въ нынѣшнюю деревню Сосенки. Древняя деревянная церковь сгорѣла въ 1715 г. и тогда же выстроена каменная.

Къ Сосенкамъ присчитывались три пустоши: 1) Метлиха, Меглиная тожь, тянущаяся вверхъ отъ Калужской дороги къ селцу Голубину; 2) Федотово, по правой сторонѣ большой дороги около межи селца Саврасова; 3) Сосенская пустошь Соровино находится на югѣ отъ села, на правомъ берегу рѣки Сосенки, противъ деревень Ямнотово и Городище.

Слѣдуетъ упомянуть здѣсь, что конецъ деревни Сосенки по правую руку большой дороги составляетъ отдѣльный поселокъ селца Ларева, прозывавшійся иногда въ народѣ Хохловкой и по приходу принадлежавшій къ Лѣтовской церкви.

ХІ.

Обратимся теперь къ группѣ имѣній по правую сторону Калужской дороги, въ протяженіи ея отъ Теплаго Стана до деревни Сосенки въ мѣстности, орошаемой рѣчкой Сосенкой, давшей свое имя и всему разсматриваемому нами стану. Стокъ воды изъ Неракинскаго оврага и съ высотъ Теплаго стана образуетъ большой прудъ въ селцѣ Никольскомъ, верстахъ въ полторыхъ направо отъ большой дороги, изъ котораго и течетъ Сосенка, течетъ сначала прямо на западъ, а потомъ, круто поворачивая назадъ, возвращается къ Калужской дорогѣ, которую и пересѣкаетъ при деревнѣ Сосенкѣ.

Первое имѣніе этой группы, смежное съ Троицкимъ и Саларевымъ, есть селцо Никольское, по народному прозвищу Хованское, бывшее нѣкогда селомъ. Въ своемъ настоящемъ видѣ Никольское соотвѣтствуетъ, по первымъ писцовымъ книгамъ, тремъ различнымъ дачамъ, только постепенно слившимся въ одно владѣніе: 1) собственно селцу Никольскому (въ Плѣнникахъ)¹⁾, бывшей деревнѣ Поповкѣ, земля которой съ самой большой дороги тянулась до такъ-называемаго

¹⁾ Выраженіе „въ Плѣнникахъ“ не есть ли описка вмѣсто „въ Плѣнникахъ“—прозвище, носимое въ древности Андреевскимъ монастыремъ у Москвы рѣки (нынѣ Андреевская богадѣльня), который владѣлъ въ этой мѣстности Сосенскаго стана разными пустошами? Весьма вѣроятно, что и деревня Поповка была прежде въ его владѣніи и сохранила отъ монастырскаго владѣнія свое народное прозвище.

Баранья рога—оврага, служащаго и нынѣ межой между помѣщичьей землей и крестьянскимъ надѣломъ; 2) сельцу Саврасову, по лѣвому берегу рѣчки Сосенки и возлѣ деревенскаго пруда, и 3) сельцу Анисимову (Татарино тожъ), ужъ давнымъ давно упраздненному; земли его лежали на правомъ берегу рѣчки за Никольской лачей.

Передъ вѣздомъ въ Никольское замѣтно и нынѣ еще возвышенное мѣсто съ четырехугольнымъ липовымъ садомъ, гдѣ находилась прежняя барская усадьба, а подъ горкой у большаго пруда была деревянная церковь, спасенная по ветхости своей лѣтъ 90 тому назадъ.

Нынѣшняя же помѣщичья усадьба за деревней, съ ея красивымъ садомъ, прудами и оранжереями, основана уже позднѣе, въ двадцатыхъ годахъ, на землѣ существовавшей нѣкогда Анисимовской пустоши Рубцово; продолженіе же этихъ усадебъ по лѣвому берегу Сосенки, по ту сторону большаго пруда, приходится на старинной усадебной землѣ Саврасова, незначительная частица которой еще и донынѣ составляетъ отдѣльное владѣніе М. П. Смирновой.

Кромѣ писцовыхъ книгъ, сохранились въ Архивѣ Министерства Юстиціи еще нѣкоторые акты частныхъ размежеваній 1687 и 1689 гг., дозволившіе намъ подробнѣе опредѣлять положеніе различныхъ, нынѣ забытыхъ, пустошей и даже на мѣстѣ отыскать кое-гдѣ признаки древнѣйшихъ межевыхъ ямъ, отдѣлявшихъ Анисимово отъ Никольскаго.

Писцовыя книги 1626 года застаютъ Никольское уже сельцомъ, помѣстьемъ боярина кн. Андрея Андреевича Хованскаго († 1639 г.). Къ этому же времени относится извѣстіе, что прежде того деревня Поповка была за кн. Иваномъ Федоровичемъ Жировымъ-Засѣвинимъ ¹⁾. При Никольскомъ считались тогда 4 пустоши: 1) Гришино—Спицкая у пруда на Б. Калужской дорогѣ, гдѣ нынѣ Марьянскіе выселки, 2) Олешино—Левшино у Троицкой межи, гдѣ деревенское владѣніе, 3) Чернецкая, мѣстность которой остается неопредѣленной и 4) Пантелеево, Лысково, Овашкино тожъ, на Саларевской межѣ. По лѣвую сторону Бараньяго рога сельцо Татарино, Анисимово тожъ, было помѣстьемъ окольного кн. Никиты Ивановича Лобанова-Ростовскаго и раздѣлялось на слѣдующія пустоши: 1) Рубцово, при впадении оврага Бараньяго рога въ рѣчку Сосенку, гдѣ нынѣшняя Никольская усадьба, 2) п. Подвязная, Иполитово тожъ, тянулись прямо надъ Рубцовой пустошью, вдоль Бараннихъ Роговъ до того мѣста Саларевской границы, гдѣ находится лѣсъ, прозывающійся еще и понынѣ, въ память его писцовыхъ владѣльцевъ, Лобановскимъ; 3) за

¹⁾ „Росс. родосл. книга“ кн. II. Доморукова, ч. I, стр. 161, № 9.

этой пустошью, пониже, вдоль Карповскаго оврага, до самаго сельца Анисимова, стоящаго у рѣчки, шла пустошь Мартянова, Поповка тожь, иногда другая Поповка, въ отличіе отъ деревни Поповки, т.-е. Никольскаго; это прозвище сохранилось и доннынѣ этому урочищу; 4) за сельцомъ, по теченію Сосенки и правому ея берегу, до Карповскаго оврага, шла п. Болотово, мѣстность которой вполне соотвѣтствуетъ сему названію. 5) По лѣвому берегу рѣчки, отъ Утинаго оврага до межи сельца Должниковъ, пустошь Копылевка, или Хропылевка.

Прежде чѣмъ перейти къ сельцу Саврасову, слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще о пустошахъ, вошедшихъ также въ составъ Никольской дачи и расположенныхъ въ западной окраинѣ имѣнія, за Поповкой. Это бывшая нѣкогда за Андреевскимъ монастыремъ, что въ Плѣнницахъ, на берегу Москвы рѣки, пустошь Карповка, Коряжино тожь, окруженная двумя оврагами, носящими эти два названія и отдѣлявшими ее съ одной стороны отъ Анисьевскихъ пустошей, а съ другой—отъ Саларевской пустоши Филиппово на лѣвой сторонѣ дороги Каменки. Затѣмъ еще въ три съ чѣмъ-то десятины, уже по ту сторону Коряжинскаго оврага, пустошь Мостищево, упоминаемая въ XVII в. въ обозначеніи границъ между Сосенскимъ и Таракмановскимъ станами, какъ пустошь, принадлежащая селу Передѣльцы и до сихъ поръ въ народѣ слышная подъ именемъ Спорной.

Первыя писцовыя книги застаютъ Саврасово пустошью, которая прежде того была сельцомъ съ тремя другими пустошами. Эти пустоши были: 1) Саврасово селище, указывающее своимъ названіемъ на еще древнѣйшую деревню того же имени; пустошь эта расположена пониже позднѣйшей деревни, въ Провшинской межѣ, на землѣ, оставшейся нынѣ за г-жей Смирновой; 2) Дмитровская, Нефедьево тожь, налѣво отъ Прокшинской дороги, что теперь зовется Ржевской, въ память прежнихъ Саврасовскихъ владѣльцевъ Ржевскихъ; и 3) п. Максимовка на правомъ берегу Сосенки, врѣзавшаяся въ земли сельца Анисимова между этимъ сельцомъ и пустошью Рубцовой и только полюбовнымъ размежеваніемъ 1837 года слившаяся съ Никольскими землями въ общее господское поле.

Въ Никольскомъ и въ пустошахъ въ 1627 году считалось по писцовымъ книгамъ: пашни наѣздомъ паханной, переложной и лѣсомъ поросшей, всего средней земли 98 четвертей, а доброй землей съ наддачею 78 ч. съ осминой въ полѣ, а дву по тому жъ. Дворъ помѣщиковъ пустъ, дворъ людской, 4 двора крестьянскихъ да 3 двора бобыльскихъ. По переписи же 1677 года: дворъ вотчинниковъ, людей въ немъ 11 человекъ, дворъ бобыльскій въ 3 человекъ и 9 дворовъ

крестьянскихъ, въ нихъ 42 человекъ. Въ Анисеевѣ, Татариновѣ тожь, съ его пустошами число пашни паханной и перелога совершенно одинаково съ Никольскимъ—98 ч. средней, а доброй землей съ наддачей 78 ч. съ осминой, за то сѣнокоса 100 копенъ и лѣса 11 десятинъ. Одинъ вотчинниковъ дворъ, въ немъ 8 человекъ, крестьянъ нѣтъ. По генеральному межеванію въ пустоши Мостище оказалось 3½ дес., въ Карповкѣ 96½ десятинъ, а въ самомъ селѣ Никольскомъ 476 десятинъ. Въ Саврасовѣ же съ пустошами по первымъ писцовымъ книгамъ всего пашни съ перелогами 120 чет., сѣна 110 копенъ и лѣсу 22 десятины, что, по принятому расчету на десятину, должно дать 153 десятины. По генеральному межеванію ихъ оказалось только 138 десятинъ.

Возвратимся теперь къ историческому перечисленію владѣльцевъ этихъ различныхъ влочкивъ Никольской дачи. Въ 1627 году мы застаемъ село Никольское въ помѣстномъ, а вскорѣ и вотчинномъ владѣніи князя Андрея Андреевича Хованскаго († 1639 г.), послѣ котораго переходитъ оно къ сыну его, боярину Ивану Андреевичу, извѣстному предводителю старовѣрческой партіи при царевнѣ Софіи. При князѣ Иванѣ Никольское становится селомъ съ вотчинниковымъ и 1-мъ людскимъ дворами съ 7-ю человекъ челяди, 10-ю крестьянскими дворами при 45 душахъ. Въ немъ деревянная церковь во имя Николая Чудотворца. „Попъ Аѳонасій, земли и сѣнокосовъ нѣтъ, попу съ причетниками дается руга: денегъ 9 рублей, хлѣба, ржи и овса 30 четв. Церковной дани 11 алтынъ двѣ гривны, заѣзда алтынъ“ (по дозорной книгѣ Пехрянской десятины 1680 г.). Есть данныя предполагать, по словамъ тогдашнихъ писателей, что въ этой подмосковной боярина кн. Хованскаго находили себѣ убѣжище скрывавшіеся отъ, преслѣдованій правительства раскольники Капитонской ереси съ самимъ, быть можетъ, знаменитымъ Аввакумомъ во главѣ, съ которымъ Хованскій былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Послѣ казни стараго Хованскаго съ сыномъ Андреемъ, все его имущество было забрано въ казну, чѣмъ и объясняется жалованная грамота 27-го апрѣля 1719 года на село Никольское окольникъ Петру Тимофеевичу Кондыреву въ награду за Коломенскій и Сергіево-Троицкій походы. Ко времени его владѣнія относятся полюбовныя размежеванія Никольской вотчины съ соседями, о которыхъ упомянуто выше. Кондыревъ имѣлъ двухъ дочерей: Анастасію, бывшую въ замужествѣ за О. С. Бутурлиннымъ, и Прасковью († 1715 г.), бывшую за кн. Мих. Андр. Голицынымъ. Дочь послѣдней княжна Марія Михайловна вышла за князя А. Н. Прозоровскаго. По смерти Петра Тимофеевича, вотчина его раздѣ-

лилась на двѣ половины, которыя вскорѣ были проданы: Бутурлиной — въ 1700 году (за 700 р.), а Прозоровскимъ, годъ спустя, — Автамону Иванову. Къ тому же времени относится и покупка Ивановымъ бывшаго сельца Анисимова и сельца Прокшина съ пустошью Карповкой, перешедшей въ его владѣніе. Эта пустошь Карповка, Коряш-кино тожъ, принадлежало нѣкогда, какъ уже упомянули о томъ выше, Андреевскому монастырю, что на Воробьевыхъ горахъ, а въ концѣ XVII в. находилась, по тогдашнему выраженію, „въ отдачѣ“ за Бенедиктомъ Андреевичемъ Змѣевымъ. Сельцо же Анисимово, Татаринино тожъ, по смерти кн. Никиты Ивановича Лобанова - Ростовскаго въ 1658 г., оставалось за его вдовой княгиней Анной Никифоровной, служившей долго у царя Алексѣя Михайловича въ нянюшкахъ его старшихъ царевнѣ и окончившей жизнь свою схимницей въ 1709 г. Въ писцовыхъ книгахъ того же 1709 г. Анисимово показано уже пустошью за думнымъ дьякомъ Автамономъ Ивановымъ. Сынъ сельскаго священника, онъ умеръ владѣльцемъ двадцати тысячъ душъ крестьянъ, не вполне безупречно нажитыхъ имъ во время его управленія Помѣстнымъ приказомъ при Петрѣ Великомъ. Писецъ, межвещакъ, подьячій и дьякъ — вотъ его званія, которыя поочередно встрѣчаются во многихъ писцовыхъ и межевыхъ документахъ 1677—87 гг.; а въ 1694 г. онъ упоминается уже владѣльцемъ многихъ вотчинъ съ чиномъ думнаго дьяка.

При раздѣлѣ, учиненномъ его внуками по его смерти, Никольское съ прикупленными дачами княгини Лобановой досталось Марфѣ Измайловой и Аграфенѣ Тютчевой; по кончинѣ же матери ихъ (въ 1772 г.) Анны Ивановны Бредихиной, вдовѣ ея участокъ, сельцо Прокшино, взяла себѣ Измайлова, уступивъ Тютчевой все Никольское вмѣстѣ съ пустошью Карповкой. При Тютчевой снесена по ветхости Никольская церковь и село причислено приходомъ къ сосѣдней Троицкой церкви. А такъ какъ при этомъ Троицкое принадлежало мужу Тютчевой Ивану Никифоровичу, гдѣ существовала удобная усадьба, то Измайлова перенесла никольскій господскій домъ къ себѣ въ Прокшино, и липовый садъ на пригоркѣ за селеніемъ опустѣлъ и заглохъ. Въ 1801 году купилъ у Тютчевыхъ Никольское докторъ Рихтеръ, а 4 года спустя перепродалъ его богатому холостяку Волчкову, основавшему нынѣшнюю усадьбу съ ея главнѣйшими каменными постройками. Наслѣдники же Волчкова продали въ 1829 г. это имѣніе Геннадію Владиміровичу Грудеву и его супругѣ, которые, нѣсколько лѣтъ спустя, прикупили еще самый крупный участокъ сельца Саврасова съ усадьбой, прямо смежной съ новымъ Никольскимъ садомъ.

Въ этомъ составѣ куплена эта подмосковная въ 1851 г. баронессой Марьей Петровной Шеппингъ, а три года спустя прибавлено къ ней сельцо Должниково, крестьяне котораго переведены въ Никольское и вновь устроенный на Калужской дорогѣ выселокъ Марьянскіе Дворики.

Въ 7137 году пустошь, бывшая сельцо Саврасово, съ пустошами дѣлилась на двѣ равныя половины: одна, ближе къ Прокшину, была помѣстьемъ владѣвшаго Прокшинымъ Никиты Кудрина; другая, бывшая прежде за княземъ Жировымъ-Засѣкинмъ, помѣщикомъ Никольскаго, а прежде него за Монастыревмъ да за Михѣевмъ, считалась въ 137 г. въ порожнихъ земляхъ и только въ 1631 г. дана кн. Василю Богдановичу Волконскому, а въ 1678 г. раздѣлилась на 4 жеребья между Волконскими, племянниками столника Василя Богдановича. Послѣдніе, одинъ за другимъ, перепродали свои жеребья въ 1683 и 1684 годахъ Матвѣю Алексѣевичу Ржевскому. Одновременно съ этимъ родной братъ Ржевскаго, Михаилъ Алексѣевичъ, промѣнилъ Кудрину свое помѣстье въ Карачевскомъ уѣздѣ, а у него вымѣнилъ другую половину сельца Саврасова, и такимъ образомъ все сельцо досталось одной семьѣ Ржевскихъ. Но, по смерти Михаила и Матвѣя, Саврасово опять распалось на множество жеребьевъ. У Матвѣя были двѣ дочери: Степанида, замужемъ за кн. Александромъ Голицынымъ, вотчинникомъ Богородскаго и Ерина близъ Подольска, а во второмъ замужествѣ за кн. Николаемъ Семеновичемъ Багратиономъ; другая же дочь Матвѣя Ржевскаго, Марія, была замужемъ за графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и умерла въ 1718 г. Кромѣ того вдова Матвѣя, выйдя замужъ за кн. Волконскаго, имѣла отъ него дочь Марфу Григорьевну, въ замужествѣ Леонтьеву. Всѣ эти родичи—Багратионъ, графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ и Леонтьевъ, потребовали свои части общаго наслѣдства. Половина же сельца Михаила Алексѣевича перешла къ дѣтямъ и внукамъ его братьевъ Ивана и Юрія, и генеральное межеваніе 1767 г. упоминаетъ въ Саврасовѣ четырехъ владѣльцевъ изъ семьи Ржевскихъ. Заявлялъ также права на часть сего наслѣдства графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, мать котораго, урожденная Ржевская, была внучка Юрія Алексѣевича.

По церковнымъ метрикамъ начала нашего столѣтія, Саврасово, какъ и нынѣ, раздѣлялось на два участка; меньшій изъ нихъ былъ за Брынинымъ и проданъ въ 1817 году женѣ гофъ-маклера Бабупкина, а нынѣ за М. П. Смирновой; другой же жеребій значился за генеральшей Раевской, умершей въ 1814 году, а послѣ нея за ея племянникомъ Д. П. Черевинимъ, котормъ и проданъ въ 1827 г.

Геннадію Владиміровичу Грудеву, размежевавшемуся въ 1835 г. съ Татьяной Бабушкиной. Такимъ образомъ теперь пустошь Максимовка на правомъ берегу Сосенки присоединена къ Никольскимъ полямъ, а Раевскій прудъ и роца, гдѣ стояла Черевинская усадьба, отдѣлявшаяся только большимъ прудомъ отъ сада новой Никольской усадьбы, стали продолженіемъ этихъ садовъ, соединенные съ ними двумя мосточками.

XII.

Сельцо Прошеино или Прокшино на рѣчкѣ Ардынкѣ считалось въ 7137 году помѣстьемъ Никиты Кудрина, въ 153 г. вдовы его, въ 155 г. Квашнина, а вскорѣ послѣ того перешло въ вотчину окольнику Венедикту Андреевичу Змѣеву. — Дворъ вотчинниковъ съ 12 бобылями безъ крестьянъ. Къ этому, сначала крошечному владѣнію, прибавилъ Змѣевъ покупкой 1687 года у княгини Щетининой и дочерей ея пустошь Микитскую и полпустоши Широкое Селище; да кромѣ того онъ владѣлъ по отдахъ (арендовалъ) двумя пустошами Андреевскаго монастыря у Воробьевыхъ горъ, а именно за рѣкой Сосенкой пустошью Карповкой, Коряшкино тожъ, нынѣ вошедшей въ составъ Никольскихъ земель, и на лѣвомъ берегу Сосенки пустошью Екатериновкой, что нынѣ прозывается Зыковскимъ Заполкомъ. Въ послѣднихъ годахъ позапрошлаго вѣка, должно быть, Змѣевъ или его наслѣдники продали сельцо Прокшино думному дьяку Автамону Иванову, отъ котораго оно вмѣстѣ съ Никольскимъ и Троицкимъ перешло къ сыну его Николаю Автамоновичу, а отъ него ко вдовѣ послѣдняго Аннѣ Ивановнѣ, по второму мужу Бредихиной. Последняя въ 1772 г. подъ видомъ закладной передала это имѣніе своей младшей дочери Марѣ Николаевнѣ Измайловой, при чемъ пустошь Коряшкино (Карповка) отдѣлилась отъ Прокшина. У Марфы Измайловой между прочими дѣтьми былъ сынъ Владиміръ Васильевичъ, извѣстный писатель двадцатыхъ годовъ, умершій въ 1830 г., и двѣ дочери, оставшіяся въ дѣвицахъ, въ которыхъ перешло Прокшино и которыми продано Нечаеву, перепродавшему его въ свою очередь въ 1835 году Борису Петровичу Зыкову, скончавшемуся въ 1863 г. Утверждаютъ, что Прокшинскій господскій домъ перенесенъ сюда, какъ сказано выше, изъ Никольскаго Марфой Николаевной при раздѣлѣ ея съ сестрой своей Тютчевой. Что же касается Владиміра Измайлова, то онъ почти всю жизнь свою предавался изученію ботаники и воспитательныхъ теорій Песталоцци и Жанъ-Жака Руссо; онъ первый изъ дворянъ открылъ въ Москвѣ въ 1805 году частный пансіонъ для молодыхъ людей.

Позднѣ онъ переѣхалъ окончательно въ свою подмосковную, гдѣ продолжалъ держать нѣсколько пансіонеровъ, съ которыми лѣтомъ, бродя по полямъ, собиралъ мѣстную флору и даже обзавелся своимъ крѣпостнымъ Эмилемъ, столаромъ по ремеслу, на которомъ практиковалъ свои воспитательныя теоріи, какъ рассказываетъ о немъ другъ его кн. Шаликовъ, часто посѣщавшій Измайлова въ его деревенскомъ уединеніи *).

Пустоши Микицкая, Барково, Широкое Селище, а, быть можетъ и Лаврово, составляли нѣкогда одно общее владѣніе братьевъ Петра и Федора Огинъ-Плещеевыхъ, которымъ въ началѣ XVII в. принадлежали еще многія другія, разбросанныя по Сосенскому стану пустоши: такъ, на примѣръ, купленные изъ обѣзжихъ земель вотчины—половины пустошей Ускова, Должникова, Лихоткина и Настасьина съ жеребьемъ сельца Зимницъ и деревни Лѣтово. По книгамъ 1626 г. Микицкая числилась вотчиной Федора Огинъ-Плещеева, а Широкое Селище и Барково—брата его Петра. Федоръ Плещеевъ заложилъ и просрочилъ Микицкое (всего 7 ч.) брату Петру, а Петръ въ свою очередь Широкое селище съ Микицкой заложилъ обратно Федору по слѣдующей закладной:

„166 года мая въ 3 день Петръ Григорьевъ сынъ Огинъ-Плещеевъ занялъ у брата своего родного у Федора Огинъ-Плещеева денегъ 50 рублей, а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ ему купленную свою вотчину—пол-пустоши Широкое Селище, да закладную пустошь Микицкую съ того числа срокомъ до Рождества Христова 167 года. А буде онъ, Петръ, на тотъ срокъ тѣхъ денегъ не заплатитъ, и на тѣ пустоши та кабала—и купчая, и не отыматися отъ нея никакими дѣлами, ни государевыми службами“.

Часть этихъ пустошей досталась, по смерти Федора Плещеева въ 1668 г., вдовѣ его Степанидѣ, впоследствии княгинѣ Щетининой, часть же и его дочерямъ—Маріи Федоровнѣ Скуратовой и Прасковѣ Федоровнѣ Вельяминовой-Зерновой, которыя въ 1685 г. всю эту вотчину продали за 102 р. окольничему Венедикту Змѣеву; а именно: княгиня Степанида Щетинина продала свои 16 ч. за 48 р., Скуратова свои 8 ч. за 24 руб., а Зернова за то же количество земли взяла 30 р. Но въ самой закладной Петра Плещеева упомянута лишь половина пустоши Широковой, другая же половина съ пустошью Барковой въ залогъ не попала, почему и перешла по смерти Плещеева

*) „Аглая“ 1808 года, ноябрь мѣсяць. Статья *Любителя муз.*—Истор. Христоматія *Галахова*, ч. II, стр. 140.

въ 1661 г. къ его второй дочери, „дѣвкѣ“ Аксинѣ, а по ея кончинѣ къ сестрѣ ея княгинѣ Авдотѣ Петровнѣ Щербатовой; сказкою же сынъ ея князь Петръ показаль, „что-де въ тѣхъ вотчинахъ спору ни съ кѣмъ нѣтъ и впредь не будетъ“.

Въ 1688 г. состоялось между княземъ Петромъ Григорьевичемъ Щербатовымъ и Прокшинскимъ вотчинникомъ Венедиктомъ Змѣевымъ полюбовное размежеваніе Широкаго Селища. Точно такъ же, какъ въ это время пустошь Милицкая на прудѣ и полупустошь Широкая слились съ Провшинской дачей,—другая половина Широкаго и пустошь Барково, Алексѣево тожъ, исчезли въ сосѣднемъ Макаровѣ. Въ упомянутомъ размежеваніи Змѣева съ кн. Щербатовымъ, Алексѣевское на рѣкѣ Ардынкѣ упоминается даже сельцомъ, владѣніемъ послѣдняго; но этого сельца ни въ какихъ писцовыхъ книгахъ не встрѣчаемъ, почему, если не почестъ этого за описку, съ достовѣрностію утверждать можно, что сельцо это состояло изъ одного вотчинникова двора, вскорѣ опять снесеннаго.

Въ полуверстѣ за Прокшинымъ, на берегу рѣчки Ардынки, встрѣчается намъ деревня Макарово, Константиново тожъ, съ пустошью Ивкино. Въ началѣ XVII в. деревня эта дѣлится на два участка, изъ которыхъ одинъ былъ помѣстьемъ боярина Матвѣя Ѳедоровича Стрѣшневъ, всего 10 ч. въ полѣ, а въ двухъ потому жъ—такъ же, какъ и часть сосѣдней Ларевской дачи. Другая же половина Макарова со всей деревней безъ жеребьевъ числилась въ 1628 г. уже купленной вотчиной Петра Григорьевича Огнн-Плещеева и составляетъ именно другую половину Широкаго селища и пустошь Барковку, Алексѣевское тожъ. Эта вотчина отъ Петра Плещеева перешла къ его дочери, княгинѣ Авдотѣ Щербатовой, и досталась ея сыновьямъ, князьямъ Петру и Василю. Послѣдній оставилъ за собой собственно Макарово, а Петръ Григорьевичъ—Барково съ сельцомъ Алексѣевскимъ. Въ упомянутомъ выше размежеваніи Щербатова со Змѣевымъ читаемъ, что „Щербатова прикащикъ указаль, замѣсто прежняго оселка Широкаго селища, то мѣсто обводныхъ земель, что называлось пустошью Алексѣевка и гдѣ стоитъ дворъ кн. Щербатова; но гдѣ именно мѣсто оселка того подлинно, окольного Змѣева и стольника князя Щербатова люди и окольные люди не сказали и межъ тѣхъ пустошей, сказали, не знаютъ“.

Послѣднее свѣдѣніе объ Алексѣевской пустоши, которое встрѣчаемъ въ Вотчинномъ архивѣ по смерти кн. Петра въ 1704 г., есть прошеніе его сына кн. Николая Петровича Щербатова объ укрѣпленіи этихъ отцовскихъ пустошей за нимъ, при чемъ объяснено, что

завладѣла ими Прокшинская помѣщица Бредихина; а по какому дачамъ и крѣпостямъ владѣть, то неизвѣстно*.

О пустоши Ивкино сохранилась въ архивахъ одна лишь слѣдующая справка: „лѣта 7153 октября въ 21 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу и по наказу изъ Помѣстнаго приказа за приписью дьяка Андрея Строева, подъячій Афонасій Березинъ, по челобитью стольника Родіона Матвѣева сына Стрѣшнева, пріѣхавъ въ Московскій уѣздъ въ Сосенскій станъ, взявъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ поповъ и крестьянъ, да съ тѣми людьми по сыску тѣхъ стороннихъ крестьянъ пустошь Ивкино у рѣчки Ордынки и на вражкѣ, а у того вражка въ верховье впади малыхъ три вражка; а большой врагъ впасть въ рѣчку Ордынку; а смежна та пустошь съ Петровою деревнею Огина-Плещеева съ Макаровою да вдовы Микитинской жены Кудрина съ деревнею Прокшиннымъ да съ деревнею Ларевымъ да съ деревнею Зимницнымъ Михаила Вутурлина да съ пустошью Воронинымъ, а на ней два мѣста дворовыхъ, пашни пахано наѣздомъ съ деревни Ларева по три осмины, пахали Родіоновы крестьяне Стрѣшнева, да перелогу три четверти, да лѣсомъ поросло на четверть, лѣсу пашеннаго полтретья десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣчкѣ Ордынкѣ и по врагамъ 5 копенъ, отказалъ стольнику Родіону Матвѣеву сыну Стрѣшневу *).

Кромѣ того жеребій деревни Макарова искони принадлежалъ владѣльцамъ сельца Ларева, Павловымъ, а Стрѣшевскій участокъ Макарова, какъ увидимъ это дальше, оставался послѣ Максима Ѳеодоровича за Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ († 1722 г.) и, вѣроятно, вмѣстѣ съ другими его вотчинами перешелъ и къ внуку его сенатору Василю Ивановичу Стрѣшневу († 1782 г.). По крайней мѣрѣ, въ Вотчинномъ архивѣ сохранилось объ этомъ прошеніе 1785 г. графа Ѳедора Андреевича Остермана, сына знаменитаго канцлера и вабипетъ-министра Анны Іоанновны, и Марѣи Ивановны Стрѣшневой, почему еще при жизни Василя Ивановича дядя его и былъ назначенъ наслѣдникомъ многихъ его сельъ, деревень и пустошей Московскаго и Боровскаго уѣздовъ, состоявшихъ, какъ писалось тогда, въ Подольской округѣ. Въ этомъ прошеніи Остермана говорится вообще обо всѣхъ поименованныхъ вслѣдъ за тѣми дачахъ и деревняхъ Василя Стрѣшнева, съ указаніемъ перехода этихъ владѣній отъ дѣда его Родіона къ отцу его Ивану Родіоновичу и раздѣла Василя Ива-

*) Дѣла Вотчинной Коллегіи по Москвѣ молод. лѣтъ, кн. 66 (общ. № 10035), л. 19.

новича съ братьями, по которому эти имѣнія остались за однимъ Василиемъ, коему въ бывшее генеральное межеваніе земель и отмежеваны; а по смерти послѣдняго переведены во владѣніе его племянника дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора Ѳедора Андреевича Остермана. Затѣмъ слѣдуютъ подробныя перечисленія воѣхъ сель и пустошей, между которыми означены по Сосенскому стану бывшія за Максимомъ Ѳедоровичемъ Стрѣшпевымъ вотчины: полпустоши Лавровой, полпустоши Барковки, Баркино тожь, 30 четв., п. Ивкина 5 четв. 4 четверика; пустошь Другое Усково и Настасьино 37 четв. 4 четверика и жеребій деревни Макарово, Константиново тожь, 10 четвертей. По спискамъ же генеральнаго межеванія мы не встрѣчаемъ въ Макаровѣ ни Остермана, ни даже Стрѣшнева, а только лишь Ларевскаго вотчинника Павлова и двухъ Бибиковыхъ: Петра Ивановича, владѣльца села Лѣтова, и Гаврила Герасимовича, не упомянутаго въ „Родословной книгѣ“ князя Долгорукова, но имѣвшаго въ Макаровѣ господскій домъ съ фруктовымъ садомъ. Въ нашемъ же столѣтіи Макаровская дача окончательно слилась съ селомъ Лѣтовымъ и его постояннымъ приходомъ.

ХІІІ.

За Макаровымъ, на берегахъ той же рѣчки Сосенки, находимъ мы еще два имѣнія, первоначально принадлежавшія братьямъ Огнѣ-Плещеевымъ—Лихоткино и Должниково, оба, какъ пустоши. Должниково въ количествѣ 15 ч. пашни, 30 копенъ сѣнокоса и 3 десятины лѣсу является въ 1675 г. деревней и вотчиной стольника Максима Загряжскаго, въ 1687 г. за сыномъ его Василиемъ, а во время генер. межеванія—за его внукомъ Петромъ Загряжскимъ, съ господской усадьбой и 15 душами крестьянъ. Въ 1852 г. куплена она съ аукціона владѣльцемъ сельца Никольскаго, причѣмъ деревня упразднена.

Нельзя, однако же, при этомъ не замѣтить, что количество земли сельца Должникова, по генер. межеванію 124 десятины, далеко превосходитъ первоначальныя цифры писцовыхъ книгъ; посему и слѣдуетъ искать это увеличеніе въ какой нибудь присоединенной къ Должникову пустоши—быть можетъ, въ одной изъ половинокъ Лихоткина.

Въ 1625 г. пустошь Лихоткино съ жеребѣемъ деревни Зимницы, Зимянки тожь, считалась вотчиной Ѳедора Григорьевича Огнѣ-Плещеева и по смерти его (1668 г.) подверглась безконечнымъ раздробленіямъ и спорамъ между его наслѣдниками въ продолженіе болѣе 70-ти лѣтъ до 1741 года, когда наконецъ правнуку Плещеева, Алексѣю Ивановичу Скуратову, скупивъ всѣ мелкіе жеребья своихъ род-

ственниковъ, тѣмъ превратилъ долготнїя ихъ тяжбы. У Федора Плещеева была, во первыхъ, внучка отъ умершаго еще при его жизни сына Петра Федоровича, Аксиныя, бывшая замужемъ за Соловцовымъ и умершая въ 1740 г., имѣвшая одну лишь дочь Прасковью Ивановну Игнатъеву, жену флигель- а потомъ генераль-адъютанта, и предъявившая также свои права на часть свою въ Широкомъ Селинцѣ. Во вторыхъ, вдова Федора Плещеева, бывшая во второмъ бракѣ за княземъ Щетининымъ, княгиня Степанида Яковлевна, принесла ему въ приданое половину сельца Лихоткина; поэтому, по смерти князя Щетинина, умершаго на государевой службѣ въ Ахтыркѣ въ 1686 г., и по смерти сына его, кн. Ивана Ивановича Щетинина, ихъ права на это владѣніе наслѣдовала дочь его Дарья Ивановна Чичерина, которая продала это имѣніе въ 1710 г. Скуратову. Въ третьихъ, у Федора Плещеева была еще дочь Прасковья Федоровна Вельяминова-Зернова, владѣвшая жеребьемъ сельца Зимницъ; и въ четвертыхъ, была, наконецъ, еще дочь Марья Федоровна, бывшая замужемъ за Иваномъ Скуратовымъ, сынъ котораго Иванъ и внучъ Алексѣй Ивановичъ мало-по-малу скупили всѣ вышеупомянутые участки сельца Лихоткина, которое въ 1769 г. значилось уже во владѣніи одного только Скуратова.

Въ нашемъ же столѣтіи с-цо Лихоткино перешло черезъ множество рукъ и принадлежитъ нынѣ вдовѣ генерала Л. И. Шонертъ.

XIV.

Село Лѣтово (безъ крестьянъ) находится на лѣвомъ берегу Сосенки, при обратномъ ея теченіи на востокъ, съ каменной церковью, построенной въ концѣ прошлаго вѣка и съ недавно лишь уничтоженной большой барской усадьбой. Оно искони связано было въ исторіи своихъ владѣльцевъ съ сосѣдней ему деревней Зимницы, или Зимянки. Но здѣсь необходимо замѣтить для большей ясности, что донныя Зимянки дѣлятся собственно на два разные селенія: одно съ господской усадьбой на самой дорогѣ Каменѣ и на рѣчкѣ Зимницѣ передъ впаденіемъ ея въ Сосенку; другое же, налѣво отъ дороги Каменки, по которой ѣздить отъ нея въ село Лѣтово, лежитъ уже ближе къ самой рѣчкѣ Сосенкѣ. По церковному приходу первое принадлежитъ къ церкви села Передѣльцы, а второе къ Лѣтову. Замѣтимъ здѣсь еще, что самое Лѣтово называлось въ старину Глуховымъ; но принадлежащая къ нему пустошь, а позднѣе деревня Глухово, на Ракитинскомъ оврагѣ, составляетъ отдѣльную отъ села межевую дачу, которую съ нимъ смѣшивать не слѣдуетъ.

Теперь мы можемъ прямо перейти къ писцовымъ жеребьямъ Зимницъ 1626 г., которыхъ насчитывалось тогда до пяти:

1) За стольникомъ Ѳедоромъ Матвѣвичемъ Бутурлинымъ помѣстье изъ порозжихъ земель, что было помѣстье Гошевскаго, половина деревни Глухово, Лѣтово тожь, на рѣчѣ Сосенкѣ.

2) За братомъ его Михаиломъ Матвѣвичемъ жеребій въ деревнѣ Зимницѣ на рѣкѣ Сосенкѣ, что было за Кобылинымъ, деревня безъ жеребья. Половина деревни Лѣтова, что было прежде за Туреннымъ, безъ жеребья. Жеребій сельца Зимницъ, что былъ за Новосилцевымъ, числился тоже за нимъ.

3) За кн. Никитой Вяземскимъ (окольничимъ) жеребій сельца Зимницы на рѣчѣ Зимянкѣ, да жеребій пустоши Глуховой.

4) Жеребій сельца Зимницы въ порозжихъ земляхъ.

5) За Ѳедоромъ Огнѣ-Плещевымъ жеребій деревни Лѣтова и сельца Зимницъ съ пустошами Лихоткино и Мибицкое (1630 г.), упомянутыми нами уже выше.

Участокъ Ѳедора Бутурлина, по его смерти, въ 1633 г. остался за его женой и дочерью „дѣвкой“ Фетиньей Ѳедоровной, а семь лѣтъ спустя былъ проданъ ею Михаилу Бутурлину. За послѣднимъ же въ 1643 г. значатся въ Лѣтовѣ: помѣщиковъ дворъ, въ которомъ живетъ приващикъ, три двора крестьянскихъ, да одинъ скотный, въ немъ дѣловыхъ людей 3 человека, а всего съ крестьянами 7 человекъ. Въ 155 (1646) г. не стало окольничаго М. М. Бутурлина, а семь лѣтъ спустя умеръ и сынъ его Григорій; помѣстье было передано его двоюродному брату, боярину дворецкому Василю Васильевичу Бутурлину и въ 1655 г. обращено ему въ вотчину.

Жеребій сельца Зимницъ кн. Вяземскаго въ 1651 г. промѣненъ внукомъ его, кн. Алексѣемъ Ивановичемъ, на Клинское помѣстье дьяка Александра Дурова, а по смерти Дурова перешелъ, уже въ качествѣ вотчины, на 3 жеребья его внукамъ Лукѣ, Александру и Афонасію Дуровымъ.

Жеребій Зимницъ въ порозжихъ земляхъ въ 1675 г. является помѣстьемъ Нивиты Плещесва-Машкова, единственная дочь котораго принесла это имѣніе въ приданое своему мужу Ивану Львовичу Вельяминову-Зернову, а послѣ ея смерти онъ перешелъ сыновьямъ ея Алексѣю Ив. и недорослю Роману Ивановичу Вельяминовымъ-Зерновымъ. Романъ Ив. женился впоследствии на Прасковѣ Ѳедоровнѣ Огнѣ-Плещевой, которой онъ достался въ наследство отъ ея отца.

Второй участокъ сельца Зимницъ, принадлежавшій Огнѣ Плещеву, достался Маріи Ѳедоровнѣ Скуратовой и отъ нея перешелъ

къ ея дочери Аксиньѣ, бывшей замужемъ за Дмитріемъ Еропкиннмъ, а послѣ нея къ сыну Алексѣю и затѣмъ къ его вдовѣ, во второмъ бракѣ Хомутовой, и къ двумъ дочерямъ Дарьѣ и Натальѣ Алексѣевнамъ. Дарья была за Тороповымъ, Наталья—за Левашовымъ.

По писцовымъ книгамъ въ 1709 г. считался еще жеребій сельца Зимницъ за Анной Михайловной Колычевой, урожденной княжной Волконской.

Бояринъ Василій Бутурлинъ, приближенный царя Алексѣя Михайловича, былъ имъ посланъ въ 1656 г. въ Малороссію для присоединенія ея къ Россіи и приведенія къ присягѣ. Онъ умеръ около 1665 г. и его вотчину Сосенскаго стана наслѣдовалъ по раздѣлу между его сыновьями младшій изъ нихъ стольникъ Борисъ Васильевичъ. Онъ былъ при царевнѣ Софьѣ бояриномъ, построилъ первую деревянную церковь въ Лѣтовѣ во имя Николая Чудотворца; при немъ въ 1690 г. произведено было правильное обмежеваніе его вотчины отъ сосѣднихъ земель братьевъ Дуровыхъ и „дѣвки“ Авдотьи Никитишны Машково-Плещеевой сельца Зимянокъ, и земли окольного Павлова сельца Ларева. Въ 1695 г. умеръ бояринъ Борисъ, а три года спустя братъ его, бояринъ Иванъ. Дочь послѣдняго княгиня Анна Ивановна Долгорукая въ 1706 г. продала эту вотчину думному дьяку Автамону Иванову за 1000 р. Автамонъ Ивановъ передалъ Лѣтово дочери своей Аграфенѣ, бывшей во второмъ бракѣ за генераль-лейтенантомъ Иваномъ Ивановичемъ Бибиковымъ.

Братья Дуровы также продали свои участки сельца Зимницъ Автамону Иванову и брату его Осипу Иванову, подьячему Набережнаго денежнаго двора, который уступилъ свой участокъ по закладной А. И. Вельяминову-Зернову. По смерти Ивана Бибикова наслѣдовалъ ему сынъ его подполковникъ Петръ Бибиковъ, построившій каменную Лѣтовскую церковь, какъ гласитъ о томъ надпись 1783 г. на паперти. Онъ постепенно увеличилъ свои владѣнія многими покупками сосѣднихъ дачъ Зимянки, Ларева и Макарова, и населилъ эти земли вывезенными изъ другихъ мѣстъ крестьянами, что видимъ изъ сохранившейся до насъ купчей, по которой родной зять его, бригадиръ Степанъ Ивановичъ Тевяшевъ, продалъ шурину своему П. И. Бибикову на съюзъ крестьянъ изъ можайскаго своего имѣнія села Глинокъ съ деревнями.

Деревня Зимницы на Сосенкѣ въ древнѣйшихъ спискахъ писцовыхъ книгъ зовется иногда Численская. Въ 1685 г. упоминается при селѣ Глуховѣ оселокъ боярина Бутурлина Выползово, мѣстность и существованіе котораго остаются сомнительны. Пустошь Глухово упо-

миналась искони при сельцѣ Зимницѣ на Ракинскомъ оврагѣ, но со времени генеральнаго межеванія встрѣчаемъ мы, вмѣстѣ съ новыми межевыми дачами того же сельца, пустошь Быково и 3 мелкихъ пустоши: Кольцово, Средниково и Заполье, лежація по правой сторонѣ дороги Каменки, версты за четыре отъ Зимянокъ, и недавно только отъ него отчужденныя. Эти дальнія пустоши отдѣлены отъ Зимницѣ землями села Валуева, Покровское или Настасьино тожь, и лежать внѣ пограничной черты Сосенскаго стана.

По генеральному межеванію, село Лѣтово съ барской усадьбой, водяной мельницей на рѣчкѣ Сосенкѣ и деревней Зимницы принадлежало безъ раздѣла одному Петру Бибикову. Кромѣ того за нимъ считались еще жеребья: пустошь Глухово, два жеребья сельца Зимянокъ и пустошь Кольцово.

Деревня Глухово (поселокъ на Глуховской пустоши) на Ракинскомъ оврагѣ съ жеребьемъ сельца Зимницѣ, съ усадьбой на лѣвомъ берегу рѣчки Зимянки, была за братьями Вельяминовыми-Зерновыми. Жеребій Зимницѣ съ барской усадьбой, нынѣ уничтоженный полпустошью Глухово и дальней пустошью Заполье, былъ за Дарьей Ивановной Тороповой. За сестрой же ея Левашовой были: жеребій сельца Зимницѣ безъ усадьбы и пустоши Быковка и Середнево. Въ нынѣшнемъ столѣтіи село Лѣтово въ составѣ Бибиковской вотчины было за Заборовской, потомъ за Баратынской, а нынѣ соединено съ Макаровымъ и Ларевымъ въ одно имѣніе С. Л. Полѣновой.

Сельцо Зимницы и по Нестромовой справочной книгѣ 1850 г., составляло, и нынѣ составляетъ одно цѣлое имѣніе съ помѣщицъей усадьбой на лѣвомъ берегу рѣчки Зимянки.

XV.

Древнее Ларевское помѣстье составляютъ нынѣ собственно три поселка: Ларево, Хорошово и Хохловка, или, вѣрнѣе сказать, нижняя часть деревни Сосенки по правой сторонѣ Калужской дороги, занятая нынѣ исключительно харчевнями, постоялыми дворами и трактирами, между которыми нельзя не упомянуть, по нелѣпности его вывѣски, трактиръ подъ фирмой „городъ Россія“. Здѣсь еще недавно стоялъ старый деревянный двухэтажный помѣщичій домъ, отдававшійся также подъ трактиръ. Вторая Ларевская дача, нынѣ усадьба г-жъ Полѣновыхъ, находится въ березовой рошѣ съ прудомъ, образованнымъ изъ запруженной рѣчки Ардынки; здѣсь же и деревня Хорошовка—вѣроятно, выселокъ Ларева прошлаго столѣтія, еще не означенный на картѣ генеральнаго межеванія. Наконецъ, на лѣвомъ берегу Со-

сенки, по возвратному ея теченію на востокъ, находится и самая деревня Ларево, имѣющая около селенія посаженную сосновую рощицу, которая указываетъ на мѣсто существовавшей тутъ прежде господской усадьбы. По писцовымъ книгамъ Пушкина и Строева 1626—1628 гг., Ларево дѣлилось на двѣ половины; одна была помѣстьемъ боярина Матвѣя Ѳедоровича Стрѣшнева, владѣльца и части деревни Макарова; а другая—вотчиной Лаврентія Александровича Кологривова, воеводы въ Ржевѣ, а потомъ въ 1618 г. во Владимірѣ, оставшаяся въ родѣ Кологривовыхъ до конца прошлаго вѣка за внуками и правнуками Лаврентія, но въ 1753 г. уже въ двухъ жеребьяхъ: за Сергѣемъ Петровичемъ и Михаиломъ Алексѣевичемъ Кологривовыми. Неразлучно съ Ларевымъ изстари считаются отдѣльныя пустоши Большая и Малая Воробьевская и Лукино или Ѳедотово селище — названіе, указывающее на существованіе здѣсь когда-то оселка. Отдѣльная пустошь эта, расположенная на холмѣ, по правой сторонѣ Калужской дороги, имѣетъ до 60-ти десятинъ и нынѣ болѣе извѣстна подъ прозвищемъ Холма.

При генеральномъ межеваніи считались въ ней и два Кологривовскіе жеребья, каждый по 15 десятинъ, изъ коихъ отъ участка Сергѣя Петровича $2\frac{1}{2}$ десятины считалось за Анной Игнатьевной Похвисневой, имѣвшей въ самомъ Ларевѣ въ 1767 г. свой жребій въ 8 дес. съ сажеными на правомъ берегу рѣчки Ардынки и на лѣвомъ берегу Сосенки.

Въ 1676 г. участокъ Стрѣшнева 122 ч. купленъ въ вотчину думнымъ дворяниномъ Родіономъ Павловымъ, а именно: въ сельцѣ Ларевѣ 38 четвертей съ осминой да съ четверикомъ, въ полупустоши Воронино на овражѣ и въ половинѣ пустоши Малое Воронино 73 четверти съ осминой, да въ деревнѣ Макарово, Константиново тожъ, 10 ч. въ полѣ, а въ двухъ потому жъ.

Родіонъ Павловъ умеръ бездѣтнымъ въ 1667 г. и его вотчина раздѣлена была на двѣ равныя части, по 61 четверти въ каждой, между братомъ его Дмитріемъ и роднымъ племянникомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ. Дмитрію наследовалъ его сынъ Степанъ и внукъ Данило; сынъ послѣдняго умеръ бездѣтнымъ въ 1781 г. и его часть, какъ и жребій умершей три года спустя его матери, перешли къ сестрѣ его Маріи Даниловнѣ, женѣ Ал. Ѳед. Ладыженскаго; другая же половина наследства Степана Ѳедоровича перешла къ его дочери Дарьѣ Степановнѣ въ количествѣ 4 четвертей съ осминой, а остальные $56\frac{1}{2}$ четвертей — къ его сыну Михаилу, который продалъ свою часть Ларева въ 1743 г. Ивану Ивановичу Бибикову за 700 р.

Во время генеральнаго межеванія Ларево дѣлилось на 5 участковъ: 1) М. А. Кологривова 56½ дес. земли при 19 душахъ на лѣвомъ берегу рѣчки Сосенки съ господской усадьбой, 2) Анны Игнатьевны Похвисневой 8 дес. съ саженьями, 3) С. П. Кологривова, на лѣвомъ берегу Сосенки, съ 16 душами при 48 дес. земли, 4) Д. С. Павлова, 16 душъ и 50 десятинъ земли, и 5) Петра Ивановича Библикова, Хохловка или Сосенка, 14 душъ и 52 десятины земли по обѣимъ сторонамъ Ардынки и Сосенки у большой Калужской дороги.

Съ конца прошлаго вѣка всякія свѣдѣнія въ Вотчинномъ архивѣ о переходѣ владѣній прекращаются. Но въ 1817 г. въ бумагахъ Подольской дворянской опеки встрѣчаемъ множество мелкихъ и совершенно неизвѣстныхъ владѣльцевъ Ларева: за Элеонорой Христофоровной Шеферъ значится 1 душа, за Семеномъ Ѳедоровичемъ Аладынымъ 4 души, за Шепелевымъ 5 душъ и за Еленой де-Сангленъ 26 душъ. Послѣдній жребій купилъ у ней Петръ Ивановичъ Барановъ (умершій въ Висбаденѣ въ 1872 г.), что извѣстно мнѣ по его собственнымъ словамъ, и продалъ свой участокъ Николаю Павловичу Голохвастову; послѣдній, въ свою очередь, перепродалъ свою мызу Хорошевку полковнику А. В. Полѣнову; но Полѣновъ ли, или Голохвастовъ скупилъ другіе участки, неизвѣстно. По мелкотѣ этихъ участковъ очевидно, что они всѣ, за исключеніемъ лишь, быть можетъ, участка де-Сангленъ, доставались своимъ владѣльцамъ по наслѣдству.

XV.

Возвращаемся теперь къ описанію восточной окраины Сосенскаго стана, граничащей съ Таракмановскимъ станомъ и находящейся по лѣвой сторонѣ дороги Каменки. Въ описаніи межъ сельца Зимницы 1680 г. читаемъ: „Патріаршая домовая пустошь Векуни подлѣ рѣчки Ликовы и столбника Ѳедора Ртищева съ братьями сельцо Филимоново, Филимонцево тожь, что было князя Леонида Салтанова сына Шейдякова“.

Филимонки, нынѣ владѣніе князей Четвертинскихъ, куплены были ихъ дѣдомъ лѣтъ 50 тому назадъ у Лачинова. Это одна изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей нашего околотка; рѣчка Ликова протекаетъ между высокими гористыми берегами, на вершинѣ конхъ налѣво находится княжеская усадьба съ спускающимися къ рѣчкѣ террасами, окаймленными сиренью, а направо зеленѣетъ еловая рощица, надъ которой высоко подымается изящная бѣлая колокольня. Колокольня эта скрываетъ собою церковь, въ нижнемъ придѣлѣ коей помѣщается семейный склепъ князей Четвертинскихъ.

Къ низу, у самаго берега Ликовы, замѣтенъ большой круглый курганъ, именуемый въ народѣ Патріаршимъ, что указываетъ намъ на мѣсто древней домовой пустоши Векуни, состоявшей, вѣроятно, изъ всей части Филимоновской дачи, лежащей по правому берегу рѣчки. По възной грамотѣ 129 (1620) года Филимоново значится помѣстьемъ кн. Леонтія Салтановича Шейдякова: „за княземъ Леонтьемъ князь Салтановымъ сыномъ Шейдяковымъ, что было прежь того помѣстье князя Ивана Щербатова, деревня Филимоново, Филимонцово тожь, на рѣчкѣ Незнани, всего пашни наѣдомъ паханой средней земли 5 ч., да перелогомъ и лѣсомъ поросло 21 ч. съ полуосминой въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 60 копенъ, лѣсу 3 десятины. Пустошь Поподейкина на рѣчкѣ Незнани, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло средней земли 32 ч. съ полуосминой въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу 5 десятинь. Пустошь Шивелево, Ковелино тожь, а надъ нею бывалъ прудецъ при рѣчкѣ Незнани, пашни наѣдомъ паханой средней земли осмина съ четверникомъ, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 9 ч. съ полуосминою и съ четверникомъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 15 копенъ, лѣсу 3 десятины. Пустошь Чеглова, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло средней земли 7 ч. съ осминою въ полѣ, а въ дву потому жъ, лѣсу 5 десятинь. Лѣсу жъ по всѣмъ пустошамъ непашеннаго въ длину на версту, а поперегъ на полверсты. И всего за княземъ Леонтьемъ Шейдяковымъ помѣстья въ Сосенскомъ стану 4 пустоши, а въ нихъ пашни наѣдомъ паханной средней земли 5 ч. съ осминой и съ четверникомъ, а доброю землею съ наддачею 4 ч. съ осминою, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 70 ч. безъ четверика, а доброю землею съ наддачею 56 ч.; и обоего пашни наѣдомъ паханой и перелогомъ поросло средней земли 75 ч. съ осминою, а доброю землею съ наддачею 60 ч. съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 125 копенъ, лѣсу 16 десятинь, да лѣсу жъ поверстнаго въ длину на версту, а поперегъ на полверсты. Сошнаго письма впускъ полполтрети сохи, и не дошло въ сошное письмо 6 ч. съ полутретникомъ пашни“.

Эти земли, по измѣренію генеральнаго межеванія, составили 214 десятинь съ саженами, включая въ это число и упомянутую въ купчей 1769 г. церковную пустошь. Въ 1639 г. помѣстье Филимонцево передано окольному князю В. П. Ахамашуову-Черкасскому и черезъ 2 года куплено имъ въ вотчину; по смерти его (между 1681—1691 годами) отдано это помѣстье стольнику Ртищеву съ братьями; вслѣдствіе же иска, возбужденнаго племянницей и наслѣдницей кн. Черкаскаго, женой окольнаго Екатериной Языковой, рожденной Тарбѣевой, съ права

на дядину вотчину восстановлены и Ртищевым во владѣніи отказано. Въ 1694 г. Языкова продала это имѣніе кн. Петру Алексѣвичу Голицыну, дѣти котораго продали свои доли—кн. Николай въ 1728 г. за 1660 р., а братъ его Александръ въ 1742 г. за 80 руб. полковнику Якову Протасову, умершему въ 1648 г. Сынъ его флигель-адъютантъ (впослѣдствіи генералъ), Яковъ Яковлевичъ перепродалъ Филимовки И. С. Чебышову за 1600 р. По смерти Чебышова возникла тяжба между его наслѣдниками, по разрѣшеніи которой дочь его родного брата, княгиня Екатерина Михайловна Голицына, и мужъ ея князь Павелъ Ѳедоровичъ получили подмосковную дяди, за исключеніемъ $\frac{1}{3}$ части, доставшейся черезъ вдову Чебышову ея родственникамъ Домогатскимъ, но ими обратно перепроданной княгинѣ Голицыной, которая, въ свою очередь, продала все имѣніе въ 1769 г. М. В. Зиновьеву за 2000 руб. Въ купчей 1752 г. любопытно описаніе строеній господской усадьбы: „Хоромы помѣщиковы ветхи, изба людская еловая ветха, изба скотская березовая ветхая, заборы наполовину двора березовые ветхіе, а на другой половинѣ двора скотный дворъ и мѣсто огорода огорожены ветхимъ плетнемъ“.

Межа съ межей съ Филимонками находится и другое имѣніе князей Четвертинскихъ — Настасьево (Валуево, Покровское тожъ), о которомъ мы, по роскоши и красотѣ усадьбы и парка, не можемъ воздержаться не упомануть, хотя оно и выходитъ изъ района Сосенскаго стана. Впрочемъ, намъ даетъ право включить это имѣніе въ наше обзорѣніе и то обстоятельство, что по правой сторонѣ дороги Каменки существуетъ пустошь, очевидно, вырѣзанная изъ этой дачи и принадлежавшая сельцу Зимницамъ, такъ какъ дробилась съ нимъ на одинаковое число жеребьевъ. Въ первоначальномъ своемъ составѣ она носила общее со всей Покровской дачей имя Настасьино и упоминается между пустошами, принадлежавшими братьямъ Огнѣ-Плещевымъ въ началѣ XVII в., а позднѣе встрѣчается во владѣніи Стрѣшнева. Село Настасьино-Покровское представляетъ намъ одинъ изъ изумительныхъ примѣровъ стойкости мѣстныхъ народныхъ прозвищъ: въ народѣ оно искони звалось по фамиліи первыхъ писцовыхъ его владѣльцевъ селомъ Валуевымъ, но официальный мѣръ межевыхъ и крѣпостныхъ актовъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ отказывалъ этому мѣстному прозвищу въ правѣ гражданства, и въ первый разъ явилось имя Валуева самостоятельно и безъ всякихъ объяснительныхъ „тожъ“ лишь при открытіи временныхъ волостей крестьянъ, только что освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости указомъ 19-го февраля 1861 г. Позднѣе, при слитіи управленій временнообязанныхъ крестьянъ съ государ-

ственными, Валувевская волость была упразднена и присоединена въ Десянскую.

Григорій Валуевъ въ 1622 г. раздѣлилъ между своими наслѣдниками свою вотчину Московскаго уѣзда Таракмановскаго стана сельцо Покровское, бывшее прежде селомъ, съ сельцомъ Настасьевымъ слѣдующимъ образомъ: половину села Большаго Покровскаго далъ сыну своему Ивану Григорьевичу съ вотчинниковымъ дворомъ, въ которомъ дѣловой человѣкъ Ивашка Климоновъ, а земли въ его жеребѣ съ пустошами Алферьево, Рытиково, Пирожны и Исаково пашни наѣздомъ паханной 15 ч., а перелогомъ и поросшихъ лѣсомъ 127 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Сѣнокоса 143 копны, а рощи и лѣса непаханнаго 15 десятинъ. Другую половину Покровской пустую (т. е. безъ двора и людей) Григорій Валуевъ далъ женѣ своей Ульянѣ Степановнѣ: наѣздомъ паханной земли 5 четей, перелогомъ 95 ч., сѣна 112 копень, а рощи 9½. Между дочерьми же своими Татьяной (замужемъ за Микишевой Карамышевымъ) да Марфой (за кн. Михайломъ Мещерскимъ) онъ раздѣлилъ поровну сельцо Настасьино съ вотчинниковымъ дворомъ и жившими въ немъ дѣловыми людьми; земли всей въ Настасьинѣ 224 ч., изъ коихъ только 27 наѣздомъ паханыхъ, остальные же въ перелогахъ и поросли кустарникомъ, сѣна 160 копень; а лѣса 9 десятинъ. Кн. Михайло Мещерскій, скончавшійся въ 1671 г., успѣлъ скупить почти всю вотчину у своей свояченицы Карамышевой и у Ивана Валуева, предоставляя такимъ образомъ имѣніе въ 1185 четв. пашни сыну своему стольнику кн. Андрею да внуку, сыну своего умершаго сына, кн. Ивану Лаврентьевичу. Небольшая часть Покровскаго въ 39 ч., перешедшая отъ Ивана Григорьевича Валуева къ его сыну Семену, оставалась еще лѣтъ 60 во владѣніи Валуевыхъ, но внуками Семена мало-по-малу перепродана князьямъ Мещерскимъ. У кн. Андрея былъ одинъ только сынъ, умершій въ 1696 г., послѣ котораго Покровская вотчина въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ вдовьяго жеребья его матери, перешла къ кн. Михаилу Ивановичу, его двоюродному брату. Когда же, два года спустя, умеръ и кн. Михайло, то его сестра Марья Головина и мать княгиня Авдотья Борисовна продали въ 1719 г. всю вотчину П. А. Толстому, внуку котораго въ свою очередь перепродалъ ее въ 1742 г. за 4500 р. генераль-аншефу и гофмейстеру Дмитрію Шецелеву, строителю Зимняго дворца въ Петербургѣ при императрицѣ Елизаветѣ и Андреевскому кавалеру († 1759 г.), и женѣ его Даріи Ивановнѣ, дочери вице-президента Юстицъ-Коллегіи Глюка. Въ 1769 г. Дарья Ивановна оставила по духовной село Покровское племянницѣ своей (дочери родной сестры)

дѣвицѣ Марѣ Родіоновнѣ Кошелевой, а Кошелева своей племянницѣ Е. В. Мусиной - Пушкиной, урожденной княжнѣ Волконской, супругѣ церемоніймейстера и кавалера, а позднѣе графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина. Послѣ смерти сына его графа Владимира Алексѣевича въ 1856 г., Валуево его внуками продано покойному кн. Владиміру Борисовичу Четвертискому († 1860 г.).

Еще при князьяхъ Мещерскихъ, во второй половинѣ XVII в., отстроена ими деревянная церковь во имя Покрова Богородицы, при ней дворъ поповъ, дворъ дьячковъ, а въ нихъ 4 человекъ. По генеральному межеванію въ селѣ Покровскомъ считалось 869 десятинъ земли, 27 дворовъ при 130 душахъ, двѣ церкви, изъ нихъ одна каменная, мельница мукомольная о 3 поставахъ и господскій деревянный домъ. По плану, приобщенному къ прошенію Шепелевой 1742 г., видно, что и деревня Настасьино, и самый вотчинниковъ дворъ занимали не совсѣмъ тѣ мѣста, что нынѣ, почему и предположить можно почти навѣрно, что великолѣпный паркъ, расположенный на высокомъ берегу Ликовы, и роскошный домъ съ флигелями, колоннадами и каменной оградой съ башнями, всецѣло относятся къ владѣнію извѣстнаго библіографа и ученаго графа Мусина-Пушкина, а выселки Пушкино и Эмильевка на Каменѣхъ дорогѣ—во владѣнію сына его графа Владимира Алексѣевича, женатаго на знаменитой красавицѣ Эмилиі Шернвальдт, воспѣтой Баратынскимъ, у которой онъ и Пушкинъ часто гащивали въ Валуевѣ.

XVI.

Продолжая за Филимонцами итти слѣдомъ по древней границѣ Таракмановскаго стана, мы встрѣчаемъ здѣсь большую вотчину, бывшую нѣкогда Чудова монастыря, переходящую къ югу на правый берегъ рѣки Десны или Малой Пахры, а къ западу доходящую до рѣчки Сосенки и до большой Калужской дороги.

Въ писцовыхъ книгахъ 7136 г. значится за Чудовымъ монастыремъ село Станиславль съ монастырскимъ дворомъ въ селѣхъ Оминскомъ; при селѣ каменная церковь архистратига Михаила и мельница на рѣкѣ Деснѣ о трехъ поставахъ; также слѣдующія села и деревни: сельцо, что было село Оминское, на Деснѣ, деревни: Ильино-Пильное тожъ, Вутурлиновка-Ларіоново и Ефремова-Модестово—всѣ три на Деснѣ, деревни: Осокино, Китово, Кнутово тожъ, Всевидово, Песково т., Певино и Огарьково—всѣ на р. Незнайкѣ, и Лѣтово на р. Сосенкѣ, которое и въ настоящее время зовутъ въ народѣ Мона-

стырскимъ въ отличіе отъ села Лѣтова, стоящаго на другомъ берегу Сосенки; да къ этимъ селеніямъ относятся также: пустоши Волково на Сосенѣ, Стуково, Тарасово, Юрьевице и Радкино или Ракитино на Ракитинскомъ оврагѣ, близъ большой Калужской дороги; да еще въ 1675 году присоединились пустоши, бывшія деревни Осѣино и Пуцино. Всего земли наѣздомъ и монастырской братьею паханной 264 ч., а въ перелогахъ пашни 828 ч. въ каждомъ полѣ, сѣна 980 копѣвъ, а рощи не паханной 52 десятины, при 48 дворахъ и 57 крестьянахъ. Въ 1675 г. Осѣино или Осокино считается пустошью, вмѣсто деревни Ильинской встрѣчается деревня Тупикова, вмѣсто Ефремово—Мостовая.

Наконецъ, при генеральномъ межеваніи 1767 г., когда эта вотчина перешла уже въ управленіе Коллегіи Экономіи, прибавилась (нынѣ упраздненная) деревня Ракитки на большой дорогѣ; за то убавились деревни Ларионово и Огарково, вѣроятно, стянущіяся, какъ и большая часть Тупикова, въ одну деревню Мостовую, Десна тожъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Калужская дорога переходитъ черезъ рѣку Десну, вся правая сторона деревенской широкой улицы по обимъ берегамъ рѣки относится къ Станиславию, а лѣвая сторона деревни принадлежитъ имѣнію Скворцова, селу Скобѣву. Въ деревнѣ Деснѣ находится нынѣ и волостное правленіе Деснянской волости; самое село Станиславль съ богатой каменной церковью, но безъ крестьянъ, находится въ верстѣ, не болѣе, отъ этой деревни и имѣетъ водяную мельницу на Деснѣ. Что касается бывшаго сельца Пуцина на рѣкѣ Деснѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Немоляевская шерстаная фабрика, то оно считалось въ началѣ XVII в. вотчиной братьевъ Сухолѣповыхъ и перешло отъ нихъ къ кн. Якову Петровичу Волконскому, при которомъ въ Пуцинѣ былъ вотчинниковъ дворъ и три двора бобыльскихъ съ 5 бобылями.

Кн. же Волконскій, повидимому, пожертвовалъ свое имѣніе Чудову монастырю, при которомъ, какъ сейчасъ упомянуто, въ концѣ XVII в. Пуцино считалось пустошью къ селу Станиславию. Еще слѣдуетъ упомянуть здѣсь о землѣ, которая въ количествѣ 4 $\frac{1}{2}$ десятинъ отмежевана была отъ Станиславльской дачи къ селу Скобѣву и упомянута въ спискѣ отдѣльныхъ дачъ генеральнаго межеванія безъ всякаго обозначенія ея мѣстности, но которая по купчей, совершенной Скворцовымъ и Новосильцевымъ, оказалась на берегу рѣчки Незнайки, при впаденіи въ нее Ликовы, почти у самой границы Филимоновской дачи. Но, повидимому, покупатель Новосильцовъ никогда этой землей не пользовался и она осталась во владѣніи государственныхъ крестьянъ.

XVII.

Если возвратимся теперь къ Калужской дорогѣ и, выѣзжая изъ деревни Сосенки, возьмемъ налѣво по дорогѣ къ Подольску, то за Сорокинской пустошью и ея нынѣ срубленнымъ лѣсомъ вѣдемъ мы въ довольно богатую и хорошо обстроенную деревню Ямонтово (когда-то Мамонтово), при впаденіи рѣчки Варварки въ Сосенку. Это селеніе принадлежало прежде вотчинѣ Вологодскихъ архіереевъ, а нынѣ Министерству Государственныхъ Имуществъ. Въ 1598 г. (7107 г.) царь Борисъ жалованной грамотой пожаловалъ богомольца своего Вологодскаго и Великопермскаго архіепископа Іону „или кто по немъ въ дому у Софіи Премудрости Божіей иные богомольцы наши архіепископы будутъ, владѣть въ Московскомъ уѣздѣ въ Сосенскомъ стану деревней Калининой на рѣчкѣ Вздериножѣ, пустошью, что была деревня Ямонтово, и пустошью Городище, Разладино тожь, на рѣчкѣ Сосенѣ, что было за Благовѣщенскимъ протопопомъ Елеуферіемъ“.

Въ писцовыхъ книгахъ 7137 г. записана за Вологодскимъ архіепископомъ Варлаамомъ вотчина „сельцо Городище, Разладино тожь, на рѣкѣ Сосенѣ, съ архіепископскимъ дворомъ, въ которомъ прикащикъ архіепископа и трое дѣловыхъ людей; деревня Ямонтово, Мамонтово тожь, 4 двора и 10 человекъ крестьянъ; деревня Калинино, 5 дворовъ, 6 душъ крестьянъ и 3 бобыля. Земли же во всей вотчинѣ: пашни наѣздомъ паханной 50 ч., заросло лѣсомъ и перелому 98 ч. въ полѣ, а въ двухъ потому жъ, сѣновосу по рѣчкамъ и оврагамъ 130 копенъ и лѣса 12 десятинъ“. А въ 1677 г. за архіепископомъ Симономъ считалось уже въ сельцѣ и двухъ деревняхъ всего дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 20, а людей въ нихъ 79 человекъ. Въ началѣ прошлаго вѣка деревня Калинино исчезаетъ, сливаясь, вѣроятно, въ одно селеніе съ Ямонтовымъ.

По другую сторону Ямонтовскаго оврага, за деревней, на берегу рѣчки Язвенки, образующей здѣсь большой прудъ, возвышается изящная каменная церковь въ два этажа, окруженная строеніями и садами богатой усадьбы села Воскресенскаго. Уже въ писцовыхъ книгахъ 7137 г. мы находимъ при Воскресенскомъ деревянную церковь во имя св. Троицы съ придѣломъ Покрова Пресвятой Богородицы, помѣщичьихъ два двора, поповскихъ два и бобыльскихъ четыре. Село это числилось помѣстьемъ Ѳедора Андреевича Алябьева, за которымъ въ томъ же Сосенскомъ стану была и деревня Долгая Язвенка (нынѣ деревня Язва) съ пустошами, жалованная отцу его Андрею Алябьеву

царемъ Иваномъ Васильевичемъ за его осадное сидѣние и проданная дочерью Ѳедора Алябьева княгиней Анисьей Ѳедоровной Лобановой-Ростовской князьямъ Одоевскимъ въ 1679 г. Воскресенское перешло въ 1659 г. вотчиной къ сыну Ѳедора Андреевича страпчему Никифору Алябьеву, который заложилъ свою вотчину и, просрочивъ, въ 1686 г. вынужденъ былъ уступить Воскресенское гостю Алексѣю Астафьевичу Филатову, который въ 1711 г. промѣнялъ ее на другую вотчину оберъ-комисару, кавалеру и правителю Московской губернии В. С. Ершову, служившему думнымъ дьякомъ въ 1695 г. Въ 1728 г. Воскресенское куплено за 1650 р. Павломъ Ивановичемъ Ягужинскимъ, который былъ тогда уже генераль-аншефомъ, оберъ-штабмейстеромъ, Андреевскимъ кавалеромъ и кавалергардскимъ капитанъ-лейтенантомъ, но еще не графомъ.

Сынъ органиста протестантской Петропавловской церкви въ Москвѣ, Ягужинскій еще въ первой юности попалъ черезъ графа Головина и Меньшикова въ деньщики къ Петру Великому и былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ его любимцевъ, всегда отличаясь своей безкорыстной честностью и откровенной прямою характера. Въ особенности въ пьяномъ видѣ онъ придирался безъ разбора къ самымъ могущественнымъ любимцамъ, какъ Меньшиковъ при императрицѣ Екатеринѣ I и Биронъ при Аннѣ Иоановнѣ, но оба раза эти вспышки сошли ему счастливо и онъ умеръ въ 1736 г. министромъ Кабинета и оберъ-егермейстеромъ высочайшаго двора. Петръ I женилъ еще очень молодого своего деньщика и фаворита на богатой и знатной дѣвицѣ Хитрово, но ея взбалмошный и строптивый характеръ довелъ Ягужинскаго до такого отчаянiя, что онъ просилъ царя о разводѣ. Петръ безъ дальнѣйшихъ формальностей постригъ жену его въ монашество, а Ягужинскаго женилъ на дочери канцлера графа Головкина (владѣльца Ковькова) Аннѣ Гавриловнѣ, извѣстной благодаря ея ужасной и мученической судьбѣ: по смерти мужа она вышла за Бестужева-Рюмина, была вмѣстѣ съ Лопухиной публично бита кнутомъ и сослана съ вырваннымъ языкомъ въ Сибирь, гдѣ и скончалась. Имѣнiя покойнаго графа Павла Ивановича Ягужинскаго были въ 1744 г. конфискованы въ пользу казны повидимому, по Лопухинскому дѣлу; но именнымъ указомъ сенату 16 мая 1754 г. всѣ недвижимыя имѣнiя графа Павла Ивановича и первой жены его Анны Хитрово, „которыя отписаны были на Ея Императорское Величество по комиссиіи о Степанѣ Лопухинѣ и прочихъ, пожалованы сыну его, графа Павла Ягужинскаго, графу Сергѣю Павловичу“, за которымъ въ 1755 г., въ силу означеннаго указа, справлено и подмосковное имѣнiе село

Воскресенское. Последнее онъ въ октябрѣ того же года продалъ своему шурина, достославному основателю и первому куратору Московскаго университета, Ивану Ивановичу Шувалову. Въ 80-хъ годахъ XVIII в. Воскресенское перешло къ Петру Васильевичу Хитрово, бывшему депутату Екатерининской Комиссіи по составленію новаго уложенія въ 1767 г. и президенту Коллегіи Экономіи, умершему сенаторомъ въ 1791 г. Онъ—строитель и основатель теперешней Воскресенской усадьбы, и въ 1787 г. выстроилъ новую каменную церковь, перенесенную имъ за большой прудъ, въ середину своей усадьбы; а на мѣстѣ старой церкви онъ поставилъ часовню, заросшую нынѣ акаціею. По смерти Хитрово, Воскресенское досталось дочери его Варварѣ Петровнѣ Олениной и перешло потомъ и къ ея дочери Екатеринѣ Евгеньевнѣ, женѣ генералъ-лейтенанта и московскаго почетнаго опекуна Петра Александровича Грессеръ († 1865), который, какъ и братъ его, и супруга, всѣ трое похоронены въ церковной оградѣ. Хитрово же съ супругой, урожденной Бѣлкиной, и дочерью Олениной похоронены въ самой церкви, подъ чугунными плитами, надъ которыми на стѣнѣ образа съ лампадами и надписи, указывающія года смерти положенныхъ здѣсь покойниковъ. О постройкѣ и освященіи церкви Петромъ Хитрово существуетъ тоже стѣнная надпись подъ фресковымъ изображеніемъ разныхъ святыхъ во второмъ этажѣ церкви. Между образами и утварью видны здѣсь наверху, на лѣстницѣ, два образа очень старинной живописи, сохранившіеся, вѣроятно, съ иконостаса старой церкви: большой образъ Богородицы и напрестольный крестъ изъ Скобѣвской церкви архистратига Михаила, приписанной нынѣ къ Воскресенской; крестъ этотъ пожертвованъ въ 7190 (1681) г. полковникомъ Невскаго полка Федоромъ Юрьевымъ, тогдашнимъ владѣльцемъ сосѣднаго села Скобѣва. Также хранится въ алтарѣ верхняго придѣла частица отъ древа копья, которымъ на крестѣ провозенъ былъ Спаситель, съ пергаментомъ на латинскомъ языкѣ, подписаннымъ какимъ то кардиналомъ въ утверженіе достовѣрности этой священной реликви, привезенной Хитрово изъ Рима. Упомянемъ еще любопытный образъ надъ папертью церковной, вѣроятно, также вывезенный изъ-за границы и представляющій,—смотря по тому, съ какой стороны на него взглянемъ, то ликъ Бога Отца, то Иисуса Христа, то изображеніе Духа Святаго.

Замѣчательно, что въ старыхъ документахъ къ названію села Воскресенскаго присовокуплялись, какъ объясненіе, слова: „что въ Минеевѣ“, а въ сосѣднемъ имѣніи Скобѣево встрѣчается въ числѣ пустошей Минино или Минеево; это, вѣроятно, указываетъ на то,

что и самое Воскресенское было первоначально частью этой Минеевской пустоши, хотя наши свѣдѣнія уже не восходятъ до столь отдаленной эпохи.

При селѣ крестьянъ нѣтъ, но со временъ Шувалова сосѣдняя деревня Потапово принадлежала къ Воскресенскому еще при генералѣ Грессерѣ.

Въ верстѣ отъ Воскресенскаго, на высовомъ берегу рѣчки Сосенки съ обширнымъ видомъ на всю окрестность, находится старинное село Архангельское, Скобѣево, Моисеево тожь, съ усадьбой, нынѣ совсѣмъ заброшенной, и церковью безъ служенія, безъ образовъ и утвари, перенесенныхъ, какъ сказано выше, въ приходскую церковь села Воскресенскаго.

Скобѣевскія владѣнія простираются до лѣваго берега рѣки Десны и до большой Калужской дороги; въ старину составляли они двѣ отдѣльныя вотчины, окончательно соединенныя въ одно цѣлое только въ началѣ прошлаго вѣка.

Въ писцовыхъ книгахъ 1624 — 1626 гг. въ вотчинахъ написано: за московскими гостями за Ильею да за Васильемъ за Ивановыми дѣтми Юрьева да за снохою ихъ за вдовою Феклою Ивановою женою Юрьева, что было прежь того вотчина Луки Константинова сына Быкова, а послѣ была вотчина за сытникомъ Гавриломъ Данильевымъ сыномъ Ѳедоровымъ, деревня Скобѣево на рѣчкѣ Сосенкѣ рѣки Десны, да пустошь Минино на рѣчкѣ Равитенкѣ: всего земли 103 ч., сѣна 350 копенъ и 10 десятинъ лѣсу.

По смерти Ильи и вдовы Ѳеклы, въ 1642 г. вся дача досталась Ѳедору Юрьеву. Онъ соорудилъ церковь во имя Архангела Михаила и скупилъ многія сосѣднія вотчины князей Пожарскихъ и другихъ владѣльцевъ, такъ что, при раздѣлѣ его сыновей около 1690 г., Алексѣю Ѳедоровичу досталось сельцо Толстиково съ деревнями, а Ивану Ѳедоровичу самое село Архангельское; кромѣ того, удѣлена была часть изъ общаго владѣнія дочери его Принѣ Ѳедоровнѣ, по мужу княгинѣ Львовой, (женѣ боярина кн. Михаила Никитича), по ея смерти возвратившаяся въ 1683 г. ея брату Ивану Юрьеву. Межевщикъ Тутолминъ въ 1693 г. отмежевалъ село Скобѣево Ивана Ѳедоровича Юрьева отъ вотчины племянника его Ивана Алексѣевича, который вскорѣ послѣ того свое село Толстиково заложилъ за 3.000 р. стольнику Полтеву и просрочилъ; у стольника же Полтева въ 1703 г. имѣние своего племянника выкупила обратно вдова Ивана Ѳедоровича Устинья Ивановна, вышедшая въ 1705 г. вторично замужъ за дьяка Емельяна Украинцева. По ея смерти, въ 1715 г. ея сынъ Петръ Ивановичъ

Юрьевъ опять соединилъ въ однѣхъ рукахъ всѣ владѣнія своего дѣда Ѳедора Юрьева. У Петра были три дочери, изъ коихъ Анна Петровна, бывшая замужемъ за дѣйствительнымъ камергеромъ Вас. Ермолаевичемъ (по другимъ документамъ генералъ-аншефомъ) Скворцовымъ, въ 1740 г. получила отцовскія имѣнія въ Московскомъ уѣздѣ, остающіяся и понынѣ въ роду ея потомковъ.

Другая половина нынѣшняго Скобѣвскаго имѣнія, село Толстикова на правомъ берегу Десны съ пустошами: Тормазово, Тигонино, Равитки и Лаврово на Деснѣ (послѣдней владѣлъ нѣкогда Петръ Огинъ-Шлецевъ), въ самомъ началѣ вѣка распадалось на множество мельчайшихъ помѣстій, а именно: за Иваномъ да за Ѳедоромъ Петровыми дѣтми Вельяминова жеребій деревни Толстикова, а въ ней на Ѳедоровъ да на Ивановъ жеребій пашни наѣздомъ пахано середніе земли 10 ч. да перелогомъ 36 ч. съ полуосминою, сѣна 45 копенъ, лѣсу непашеннаго ко всей деревнѣ 6 десятинъ; жеребій пустоши Тигонино на рѣкѣ Деснѣ: пашни, наѣздомъ паханной середніе земли 2 ч. съ осминою, да перелогомъ 22 ч. съ осминою, сѣна 30 копенъ, лѣсу непашеннаго ко всей пустоши 25 десятинъ.

За Захаріемъ Григорьевымъ сыномъ Шишкинымъ, что было прежде того за Семеномъ Дмитриевымъ сыномъ Вельяминовымъ да за стремяннымъ конюхомъ за Дружиною Великимъ жеребій деревни Толстикова, а въ ней на Захарьевъ жеребій дворъ помѣщиковъ, а въ немъ живутъ дѣловые люди, да дѣловыхъ же и крестьянскихъ 3 двора, пашни паханые середніе земли полчетверика да наѣздомъ пахано 10 ч., да перелогомъ 16 ч. съ осминою, сѣна 20 копенъ, лѣсу непашеннаго ко всей деревнѣ 6 десятинъ. Третій жеребій пустоши Тормазово на рѣкѣ Деснѣ, а двѣ трети тое пустоши за Яковомъ Тухачевскимъ да за Тимофѣемъ Макшѣевымъ, а въ ней на треть пашни наѣздомъ пахано середніе земли 5 четвертей да лѣсомъ поросло 31 четверть въ полѣ, сѣна 34 копны, лѣсу 10 десятинъ. Половина пустоши Деминой на рѣкѣ Равитенкѣ, а подъ нею прудъ, а другая половина за Тимофѣемъ Макшѣевымъ, а въ ней на его половину пашни наѣздомъ пахано середніе земли четь съ полуосминою, да перелогомъ 11 ч. съ полуосминою въ полѣ, сѣна 15 копенъ, лѣсу пустоши 2 десятины⁴.

За Яковомъ Остафьевымъ сыномъ Тухачевскимъ, что было за стремяннымъ конюхомъ за дружиною Великимъ и съ тѣмъ жеребьемъ, что за Семеномъ Вельяминовымъ, жеребій деревни Толстикова на рѣкѣ Деснѣ, а въ ней на его жеребій дворъ помѣщиковъ да крестьянскихъ и бобыльскихъ 2 двора, пашни паханые середніе земли

полчетверика да наѣздомъ пахано 10 ч., да перелогомъ 16 ч. съ осминою и съ полуторымъ четверикомъ въ полѣ, а въ въ дву потому жъ, сѣна 20 копенъ, лѣсу 6 десятинь. Третій жеребій пустоши Тормазово на рѣкѣ Деснѣ, а два жеребья тое пустоши за Захаріемъ Шипкинымъ да за Тимофѣемъ Мавшѣевымъ, а на жеребій папши наѣздомъ пахано середніе земли 4 ч. безъ полуосмины, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 32 ч. съ полуосминою, сѣна 24 копны, лѣсу 10 десятинь.

Да что было за Семеномъ Вельяминовымъ жеребій деревни Тигонино, а пустошь безъ жеребья за Иваномъ да за Ѳедоромъ Вельяминовыми; а иной жеребій тое пустоши въ порозжихъ земляхъ, а въ ней на его жеребій папши наѣздомъ паханой четверть съ полуосминою, да перелогомъ 15 ч., сѣна 10 копенъ, лѣсу непашеннаго 25 десятинь.

Въ Сосенскомъ же стану въ порозжихъ земляхъ написано: Васильевскаго помѣстья Блудова и съ тѣмъ, что было за Семеномъ Дмитриевымъ сыномъ Вельяминовымъ, жеребій пустоши Тигонино на рѣкѣ Деснѣ; а пустошь безъ жеребья за Иваномъ да за Ѳедоромъ Вельяминовыми да за Яковомъ Тухачевскимъ, а въ ней на порозжей жеребій папши наѣздомъ пахано середніе земли 2 ч. съ осминою, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 22 ч. съ осминою, сѣна 30 копенъ, лѣсу 25 десятинь.

Въ 1626 году мы застаемъ всѣ эти земли одной вотчиной достославнаго кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго; по смерти его въ 1642 г., онѣ перешли къ сыновьямъ его: кн. Ивану (окольный и намѣстникъ Новгородскій, † 1668 г.) и кн. Петру, умершему вскорѣ послѣ отца и передавшему свою часть сельца Толстикова съ деревнями Тигонино и Деминская, всего 113 ч., сначала своей женѣ княгинѣ Марѣ, а по ея кончинѣ своей дочери Авдотѣ Петровнѣ. Последняя была замужемъ: сначала за стольникомъ И. В. Шеремстевымъ, а въ 1666 году за бояриномъ кн. Юриемъ Долгоруковымъ, который получилъ въ наслѣдство и жеребій сельца Толстикова съ деревней Тормазово послѣ кн. Ивана Дмитриевича Пожарскаго и въ 1672 г. купилъ у братьевъ Вельяминовыхъ послѣдній жеребій того сельца 87 ч., не входившій раньше въ вотчину Пожарскихъ. На другой же годъ кн. Долгоруковъ продалъ всю эту вотчину свою Сосенскаго стана своему Скобѣевскому сосѣду гостю Ѳедору Юрьеву.

При генеральномъ межеваніи за Анной Петровной Свворцовой считались, кромѣ села Архангельскаго съ каменной церковью, господскимъ деревяннымъ домомъ и мельницей о двухъ поставкахъ на рѣкѣ Сосенкѣ, слѣдующія деревни: Равитино на оврагѣ того же имени,

Толстиково на правомъ берегу Десны съ существующей и нынѣ большой мельницей-крупчаткой о шести поставахъ, деревня Мостовая, Десна тожь, что прежде называлась Тигонинымъ, на лѣвомъ берегу Десны, и деревня Тормазово (Ракитки тожь) на рѣчкѣ Порошкѣ.

Съ тѣхъ поръ всѣ эти деревни стаялись къ одному мѣсту, по лѣвой сторонѣ большой дороги и по обоймъ берегамъ рѣки Десны, и слились такимъ образомъ въ одну общую деревню Десна или Мостовая, по правую сторону которой переселились и крестьяне Станиславльскихъ упраздненныхъ деревень. Такимъ образомъ Ракитки, Тормазово и самое Толстиково нынѣ не существуютъ болѣе, но на мѣстѣ, которое занимало прежде Толстиково, осталась большая Толстиковская мельница. Въ 1775 году, по размежеваніи Скворцова съ селомъ Станиславлевымъ, оказался у него противъ писцовыхъ книгъ недомѣръ пяти десятинъ, за которыя ему и вырѣзаны отхожей пашенной земли 4 десятины съ сажеными на берегу рѣки Незнайки, напротивъ Филимоновской дачи, проданныя въ 1779 году за 10 рублей нѣкоему секундъ-маіору Новосильцеву.

Архангельской Церкви села Скобѣева еще принадлежитъ отдѣльная патриаршая пустошь, а позднѣе Капустинскій погостъ, на рѣкѣ Деснѣ, при впаденіи въ нее рѣки Сосенки.

Здѣсь существовала нѣкогда приходская церковь Покрова Пр. Богородицы, приходъ и владѣнія которой послѣ постройки церкви села Скобѣева Федоромъ Юрьевымъ перешли къ послѣднему. Въ дозорной книгѣ 1680 г. читаемъ: Покрова Пресвятой Богородицы церковная земля Пехрянской десятины, Сосенскаго стана, въ пустоши, что былъ приходскій погостъ Капустинъ на рѣкѣ Деснѣ, патриаршей вотчины по писцовымъ книгамъ пашни наѣздомъ паханной 5 ч., перслогомъ и лѣсомъ поросло 20 ч. въ полѣ, а въ двухъ потому жъ, сѣна на Деснѣ и по рѣчкѣ Сосенкѣ 25 копенъ, лѣса непашеннаго 3 десятины.

Земля эта отъ Москвы въ 25 верстахъ, на оброкѣ патриаршаго Казеннаго приказа. У той же пустоши по досмотру отхожій лужокъ по рѣчкѣ Ракитиной межъ землями князя Михаила Львова и гостя Алексѣя и Ивана Юрьевыхъ. Пустошь приходомъ къ вотчинѣ Юрьевыхъ, селу Архангельскому—къ церкви Михаила Архангела.

Существуетъ и отдѣльная межевая книга 1767 г. на эту пустошь, жалованную бывшими патриархами церкви Архистратига Михаила, по коей эта пустошь значится состоящей во владѣніи „генераль-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера В. Ерм. Скворцова за женой его Анной Петровной“.

XVIII.

Внизъ по теченію Десны, за Скобѣевымъ, остается еще одно пограничное имѣніе Сосенскаго стана—сельцо Никульское или Микульское. Оно дѣлилось уже въ 7137 году на два жеребья, изъ коихъ первый былъ вотчиной сына достославнаго сподвижника Пожарскаго, Нефедія Козмича Минина, а позднѣе вдовы его, съ двумя вотчинниковыми дворами и однимъ крестьянскимъ, а въ немъ людей 3 человекъ. Вскорѣ, послѣ первой половины XVII в., Никульское перешло къ М. И. Безобразову и имъ продано боярину Петру Петровичу Салтыкову, а отъ него перешло къ сыну его боярину Петру Петровичу († 1700 г.) и къ женѣ его Марфѣ Ивановнѣ, урожденной Прозоровской († въ 1730 г.) Послѣ нея въ 1752 году имѣніе это заложено сыномъ ихъ Михаиломъ Петровичемъ Салтыковымъ и потомъ продано имъ сосѣду своему, вотчиннику села Рязанова, Петру Петровичу Нарышкину, который скорѣ затѣмъ оба имѣнія перепродалъ московскому купцу, владѣльцу красочной и сургучной фабрики Кузьмѣ Матвѣевичу Матвѣеву. За потомками послѣдняго Рязаново и Микульское съ своими двумя суконными фабриками состояли еще и въ началѣ нашего вѣка, а въ тридцатыхъ годахъ перешли къ Пр. С. Окуловой, отъ которой перешли къ ея дочерямъ; нынѣ это имѣніе прикуплено къ селу Астафьеву княземъ Вяземскимъ.

Другой жеребій сельца Микульскаго—пустой помѣщиковъ дворъ безъ крестьянъ, съ пустошью Климово, Нечаево тожь, на рѣкѣ Любучѣ, всего пашни 30 ч. съ осминою, составлялъ помѣстье двухъ влюшниковъ Кормового Дворца Пирова и Малова; изъ нихъ первый заложилъ и просрочилъ второму свою часть этого помѣстья, а Маловъ продалъ весь жеребій въ 1630 г. Астафьевскому вотчиннику Владимиру Прокофьевичу Ляпунову, что и даетъ намъ право принять въ наше обозрѣніе великолѣпное село Астафьево, хотя оно собственно не принадлежало къ Сосенскому стану, за исключеніемъ Климова на правомъ берегу Любучи, гдѣ именно нынѣ садъ и домъ господскій князей Вяземскихъ. Великолѣпный этотъ домъ Растреллиевской архитектуры, съ колоннадами и огромной залой въ два свѣта, обогащенъ рѣдкой библіотекой и множествомъ старинныхъ картинъ и мраморовъ, вывезенныхъ кн. Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ изъ Италіи. Здѣсь пѣюгда по цѣлымъ мѣсяцамъ гостили у радушнаго хозяина-поэта и Карамзинъ, женатый первымъ бракомъ на его сестрѣ, и Дельвигъ, и Жуковский, и польскій поэтъ Мицкевичъ, и наконецъ, Пушкинъ, во-

торый при всякомъ прїѣздѣ своемъ въ Москву любилъ посѣщать дорогое ему Астафьево; тѣнистую липовую аллею его, ведущую со стороны сада къ дверямъ главной залы, онъ прозвалъ русскимъ Парнасомъ *). Однажды Пушкинъ явился сюда невзначай, на плохомъ городскомъ извозницѣ, и княжеская прислуга, узнѣвъ эту жалкую колесницу, не хотѣла допустить извозника до барскаго крыльца; тогда Пушкинъ, приподнявшись въ дрожкахъ, закричалъ съ трагическимъ пафосомъ: „Астафьево! Астафьево! оставь его! оставь его!“ оторопѣвшему лакею, который врядъ ли, впрочемъ, оцѣнилъ и понялъ каламбуръ нашего поэта. Комната, гдѣ жилъ Александръ Сергѣевичъ во второмъ этажѣ большого дома, сохраняется до сихъ поръ въ томъ видѣ, какъ была она при немъ. Стѣны ея выкрашены желтой краской и обвѣшаны масляными картинами и портретами, относящимися къ отечественной войнѣ 1812 года, а между литографированными изображеніями, висящими между окнами надъ письменнымъ столомъ Пушкина, виднѣется портретъ Мицкевича и голова Наполеона въ гробу. Тутъ же сохраняется трость нашего великаго поэта съ набалдашникомъ изъ кафтанной пуговицы Петра Великаго, съ его вензелемъ подъ императорской короной.

Вотъ какъ самъ хозяинъ, кн. П. А. Вяземскій, описываетъ въ стихахъ свое любимое Астафьево:

Привѣтствую тебя, въ минувшемъ молодѣи,
 Давнишнихъ дней пріютъ, души моеи Помпел!
 Былого слѣдъ вездѣ глубоко впечатлѣнъ
 И на поляхъ твоихъ, и на твердынѣ стѣнъ
 Хранившаго меня родительскаго дома.
 Здѣсь и природа мнѣ такъ памятно знакома;
 Здѣсь съ каждымъ деревомъ сроднился, сросся я,
 На что ни посмотрю—все было, все жизнь моя,
 Все тѣ же мирныя и свѣжія картины:
 Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,
 Предъ домомъ круглый лугъ, за домомъ темный садъ,
 Тамъ роща, тамъ оврагъ съ ручьемъ, кургановъ рядъ,
 Нѣмая лѣтопись о безыменной битвѣ;
 Бѣлѣсть надъ прудомъ пристанище молитвъ—
 Домъ Божій, всѣмъ скорбямъ гостепрїимный домъ;
 Тамъ привлекаютъ взоръ, далече и кругомъ,
 Въ прозрачной синевѣ просторной панорамы,

*) „Русская Иллюстрація“ 1880 г. 24 мая, № 594.

Широкія поля, селенья, Божьи храмы,
 Лѣса, какъ темный паръ, поемные луга
 И миловидные, родные берега
 Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
 Скользящей вдоль луговъ струей своей лѣнливой.
 Здѣсь мирныхъ поселенъ прѣвѣтливый погостъ...
 Но постепенно дня стихаютъ голоса,
 Серебряная ночь взошла на небеса.
 Все полно тишины, сѣня и пролады.
 Вдоль блестящихъ столбовъ прозрачной колоннады
 Задумчиво брожу, предавшись весь мечтамъ
 И зыбко тѣнь моя ложится по плитамъ,
 И съ нею прошлыхъ лѣтъ и милыхъ поколѣній
 Изъ глубины ночной выглядываютъ тѣни.

По писцовымъ книгамъ сельцо Остафьево, Львово тожъ, съ пустошами Пышкино и Шулепово считалось за Грязнымъ Чулковымъ-Бартеньевымъ, но позднѣе его потомки сохраняютъ одну лишь фамилію Бартеньевыхъ: такъ грамотой отъ 12-го февраля 7191 (1682) г. Евсею Пименовичу Бартеньеву пожалованы всѣ его старыя помѣстья за Чигиринскій походъ 181 г. въ вотчину, и между ними жеребій сельца Остафьева; а другой грамотой 27 августа того же года оказана та же милость и стряпчему Ивану Ивановичу Бартеньеву на такой же жеребій того же сельца. Въ концѣ XVII в. дѣлилась эта половина сельца на 6 или 7 жеребьевъ, которые съ 1713 по 1719 годъ перешли всѣ по разнымъ купчимъ къ боярину и губернатору, а позднѣе (1719) графу П. М. Апраксину, а именно: отъ четырехъ сыновей Мих. Бартеньева 32 ч. и 6 дворовъ крестьянскихъ за 250 р., отъ вдовы Соимоновой (урожденной Бартеньевой) 33 ч. за 250 р. и отъ Михаила Иванова Бартеньева 32 ч. за 100 р. Другая же половина сельца съ пустошами была по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ „за стряпчимъ Владиміромъ Прокофьевичемъ, что была прежь того вотчина отца его думнаго дворянина Прокофья Петровича Ляпунова на рѣкѣ Любучѣ 99 ч., а другая половина сельца и пустошей за Грязнымъ-Бартеньевымъ“.

Да за нимъ же, Владиміромъ Ляпуновымъ, Сосенскаго стана въ вотчинѣ по завладной кабалѣ 136 г. Ѳедора Малова пустошь Климово, Нечаево-Верхняя тожъ, на рѣкѣ Любучѣ 30 ч.

По переписнымъ книгамъ 155 г., въ полусельцѣ Остафьевѣ, Львово тожъ, да въ сельцѣ Климовѣ, что была пустошь, 12 дворовъ крестьянъ.

Въ 1660 г. Лука Владиміровичъ Ляпуновъ отдалъ свою вотчину 130 ч. земли зятю своему князю Ивану Андреевичу Львову и племянницѣ своей княгинѣ Александрѣ Васильевнѣ. У князя же Львова въ 1777 г. въ селѣ Климовѣ, Львово-Остафьево тожъ, было 15 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Изъ предъидущаго очевидно, что усадьба или „вотчинниковъ дворъ“, какъ выражались тогда, перенесенъ былъ Львовыми на правый берегъ Любучи въ Климово, почему Остафьево и переименовалось изъ селца въ деревню. Князь Иванъ умеръ въ 1691 г. и ему наследовалъ сынъ его стольникъ кн. Алексѣй, убитый вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василюемъ подъ Ругодивомъ въ 1700 г.

Единственная дочь кн. Алексѣя, княжна Наталья, вышла замужъ за боярина (позднѣ графа) Петра Матвѣевича Апраксина, казанскаго губернатора, а впослѣдствіи сенатора и президента Юстицъ-Коллегіи. Онъ, какъ видѣли выше, скупилъ отъ Бартеневыхъ и другую половину Остафьева, которое отдалъ въ приданое за дочь свою княгиней Еленой Петровной Голицыной.

Сынъ послѣдней кн. Александръ Яковлевичъ Голицынъ продалъ селцо Климово Сосенскаго стана да деревню Остафьево Молоцкаго стана съ пустошами въ 1752 г. московскому купцу, красочной и сургучной фабрики содержателю Кузьмѣ Матвѣевичу Матвѣеву, въ свою очередь перепродавшему это имѣніе около 1780 года кн. Андрею Ивановичу Вяземскому.

Остафьево обязано кн. Андрею Вяземскому постройкой господскаго дома и большой каменной церкви, которая наследовала приходъ деревянной старой Георгіевской церкви села Рязанова.

XIX.

На югъ отъ Остафьева, на другой сторонѣ Десны, находится большое село Кувекіно съ деревнями, нынѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, а въ древности бывшее вотчиной Благовѣщенскаго собора, „что на государевомъ дворѣ“. Эта обширная вотчина дѣлилась на семь участковъ: 3 — для священниковъ, 3 — для дяконовъ и 1 — для соборнаго ключаря, и на эти владѣнія выдавались всякій разъ ввозныя грамоты, какъ видно это изъ грамоты, жалованной 10 сентября 7134 г. государеву духовнику Благовѣщенскому протопопу Максиму съ братьями на означенныя церковныя вотчины. По писцовымъ книгамъ 136 г. за означеннымъ Максимомъ значится село Кувекіно, на рѣчкѣ Плесенкѣ, съ каменной церковью Рождества Христова и придѣломъ Св. Николая, съ однимъ священническимъ дворомъ

и 4-мя дворами прикащиковъ и дѣловыхъ людей; да въ селу деревни Андреевская-Евсѣево да Лаптево съ мельницей на Деснѣ—25 дворовъ и въ нихъ 29 чел. крестьянъ. За другимъ священникомъ были деревни Таракашево на рѣчкѣ Язвенкѣ 9 дворовъ съ 10 крестьянами и упраздненная въ XVIII в. деревня Курово на рѣкѣ Деснѣ. За третьимъ священникомъ значится сельцо Расторопово съ поповскимъ дворомъ и 11 дворами крестьянъ при 17 душахъ. Ключаря Никиты Романова были деревни Черепово, Сысоево, Малыя Новинки и несуществующее болѣе Палицыно, Мальцево тожъ, на р. Плесенкѣ, 11 дворовъ и 17 душъ. Дьяконскіе же участки состояли изъ деревень Мостовской и Большихъ Новинокъ и отдѣльной пустоши Плесенки. Кромѣ того числились за Кувезиннымъ пустоши Волково, Глазуново тожъ, бывшее сельцо Сатино, Ведерная, Гусево, Подольская и другія. По переписной книгѣ 1677 г. насчитывалось въ этихъ селеніяхъ уже 134 двора и 537 душъ, а во время генеральнаго межеванія 1767 г. за Коллегіей Экономіи 152 двора при 715 душахъ.

По этимъ спискамъ генер. межеванія записана за селомъ Кувезиннымъ отдѣльная пустошь Иванищево, нынѣ Иванцово, которая въ писцовыхъ книгахъ подъ этимъ именемъ не встрѣчается, а, вѣроятно, скрывается тамъ подъ другимъ названіемъ.

На самой южной окраинѣ Сосенскаго стана находится древнее село Яковлево, принадлежавшее въ концѣ XVI в. Дмитрію Борисовичу Картомазову, и проданное въ 1614 г. вдовой его, урожденной княжной Мещерской, ея зятю Ѳедору Дурову, которому часть этой вотчины перешла еще въ 1591 г. отъ самого Картомазова, данная въ приданое имъ за дочерью своей Дарьей Дмитріевной Дуровой. Въ писцовыхъ книгахъ Пушкина и Строева 1626 г. мы находимъ вотчинникомъ села Яковлева уже сына Ѳедора Дурова, Романа: „село на рѣчкѣ Плесенкѣ, а въ селѣ церковь Покровъ Святой Богородицы, а на церковной землѣ мѣсто попово, мѣсто дьячково, мѣсто просвирнино и мѣсто пономарево, пашни церковной земли 10 ч. да сѣна 10 копенъ. Да въ селѣ жъ дворъ вотчинниковъ да дворъ людской, въ немъ живетъ Ивашка Анофріевъ, родомъ латышъ (да еще 5 чел. поименовано), да 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 5 человекъ, 4 двора большевскихъ, а людей въ нихъ 6 человекъ, да дворъ пустъ. Пашни пахано четверикъ да наѣздомъ 20 ч., а перелогу и лѣсомъ поросло 228 ч., сѣна 160 копенъ, лѣсу 6 десятинъ, да поперстнаго лѣсу—рощи осиновою да дубовой въ длину на версту, а поперегъ на полверсты. А сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ четверть сохи и полполчети сохи; и не дошло въ сошное письмо четверти съ осминою

пашни. А платитъ съ живущаго въ сошное письмо съ четверти пашни. Да въ тому селу три пустоши: Блохино на Череновскомъ врагѣ, Курово на прудѣ да приданое матери его (Романа Дурова) Дарьи Дмитровой дочери пустошь Племянниково, что была деревня Сбоево^а.

Въ 1632 г. Дуровъ заложилъ и просрочилъ это свое село въ суммѣ 1000 р. двумъ заимодавцамъ: вн. Льву Федоровичу Волконскому и подьячему Савину, а 7 лѣтъ спустя купилъ оба эти участка думный дворянинъ Василій Толстой, въ родѣ котораго это имѣніе оставалось почти до нашего времени. Къ этой вотчинѣ присоединилъ Василій Толстой еще приобретенную имъ за 400 р. у Никиты Пушкина пустошь, что была деревня Кузьминская, Плюсино тожъ, что было прежь того „помѣстье истопниковъ Гаврилки и Девятки Быковыхъ“; въ ихъ деревнѣ помѣщиковъ дворъ стоялъ пустой, а крестьянскихъ было 6 дворовъ; къ этому сельцу присоединена еще Никитой Пушкинымъ купленная имъ у комнатнаго истопника Ивана Шелохова пустошь Касаткино, Шелохово тожъ. Да еще была за Пушкинымъ же въ Лукомскомъ станѣ пустошь Дураково, Наумово тожъ, на Дураковскомъ оврагѣ, также проданная имъ за ту же цѣну Толстому. Стольникъ Василій Ивановичъ Толстой отличался своей вѣрностію отечеству, и въ смутное время 1612 г. командовалъ костромскимъ отрядомъ; сынъ его Андрей былъ воеводой въ Черниговѣ и въ концѣ жизни околичничимъ; умеръ въ 1688 г. У него было три сына, между которыми Яковлево и раздѣлилось на три участка. Первый изъ этихъ участковъ, принадлежавшій Михаилу Андреевичу, считался въ 1767 году, въ эпоху генеральнаго межеванія, за его внучкой Анной Петровной Хлоповой. Жеребьи двухъ другихъ сыновей Андрея Толстого, какъ увидимъ дальше, въ эпоху генеральнаго межеванія соединились въ одно владѣніе вдовы графа Ивана Петровича и сына его графа Николая Толстыхъ. Иванъ Андреевичъ Толстой былъ при Петрѣ Великомъ первымъ Азовскимъ губернаторомъ, братъ же его Петръ, деньщикъ Петра, прославился поимкой въ Неаполѣ несчастнаго царевича Алексѣя и былъ президентомъ верховнаго суда надъ нимъ, за что и возведенъ въ графское достоинство въ 1724 году, а три года спустя, при Петрѣ II, лишенный всѣхъ титуловъ и орденовъ, сосланъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ Иваномъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ въ жестокомъ заключеніи кончилъ жизнь свою въ 1729 г., переживъ только нѣсколькими мѣсяцами сына своего Ивана. Вдова послѣдняго, урожденная княжна Троекурова, опасаясь конфискаціи имѣній ея дѣтей, поспѣшила уступить половинный жеребій Петра Андреевича, треть села Яковлева; двоюродному брату своему Борису Ивановичу Толстому,

которому по раздѣлу съ братьями досталась и отцовская треть Яковлева. При немъ въ 1733 г. была церковь каменная со всякой церковной утварью, дворовъ помѣщиковыхъ два, дворъ скотный одинъ, со всѣмъ строеніемъ, садами, прудами и проч.

Борисъ же Толстой перепродалъ всѣ свои участки вдовѣ второго сына графа Петра Андреевича Ульянѣ Ивановнѣ; по смерти ея, сынъ ея Иванъ соединилъ двѣ трети села Яковлева Ивана и Петра Андреевичей; онъ умеръ въ 1762 г. По генеральному межеванію село Яковлево записано за его женой графиней Екатериной Семеновной (рожд. Хрущовой), а позднѣе и за сыномъ его графомъ Николаемъ Ивановичемъ. Когда участки Хлоповой и графа Николая соединились и въ чьи руки перешли—объ этомъ въ Вотчинномъ архивѣ свѣдѣній мы не нашли.

Въ 1817 г. считался Яковлевскимъ помѣщикомъ Костылевъ, а нынѣ Яковлево принадлежитъ Николаю Николаевичу Павлову.

XX.

Послѣднее селеніе, принадлежавшее также къ древнему Сосенскому стану—деревня Ватутинки, расположенная на большой Калужской дорогѣ въ 30 верстахъ отъ Москвы и въ 19 верстахъ отъ Конькова. Въ писцовыхъ книгахъ 1620-хъ гг. упоминаются за бояриномъ кн. Петромъ Александровичемъ Рѣпнинымъ, что были прежде того за стряпчимъ Чеплыгинимъ, помѣстныя пустоши: Загоново, Княгинино и Ватутинки, Яковлево тожъ. Послѣднее названіе какъ будто указываетъ собою на принадлежность этой пустоши въ древнѣйшія времена къ сосѣднему селу Яковлеву, которое, вѣроятно, въ свою очередь получило свое имя отъ фамиліи своего основателя, какъ бывало это почти вездѣ въ нашемъ подмосковномъ краѣ.

Въ 1643 г., по смерти кн. Петра Рѣпнина, его помѣстье передано его родному брату боярину кн. Борису, при которомъ Ватутинки упоминаются уже деревней. Въ 1670 г. наследовалъ отцу своему князь Иванъ Борисовичъ, также бояринъ и начальникъ Помѣстнаго и Сибирскаго приказовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; Ватутинки вмѣстѣ со всѣми другими его помѣстьями пожалованы были ему въ вотчину грамотой отъ 6-го мая 1690 г. царями Иоанномъ и Петромъ „за многія его службы“. Изъ дозорной книги 1680 г. видимъ, что, по упомянутой въ ней надписи на церковномъ антиминсѣ, церковь Тихвинской Богородицы съ придѣлами св. Сергія, св. Александра Свирскаго и

Устюжскихъ мучениковъ Никиты и Прокопія была построена въ 183 (1674) г. бояриномъ Иваномъ Борисовичемъ Рѣпнинымъ на землѣ пустоши Княгининой на берегу Десны рѣки. Имъ же основана тутъ и барская усадьба, почему и все имѣніе съ тѣхъ поръ стало именоваться селомъ Богородскимъ. Отъ кн. Ивана вотчина эта перешла къ сыну его знаменитому полководцу и фельдмаршалу и первому Лифляндскому губернатору князю Анikitѣ Рѣпнину, умершему въ 1727 г.; а внуки его князя Петръ и Сергѣй продали Богородское въ 1732 г. Василию Борисовичу Толстому, выстроившему нынѣ существующую каменную церковь и обозначившему мѣсто старой каменной деревянной церкви камнемъ съ высѣченными крестомъ. Онъ же учредилъ въ день Тихвинской Богородицы 26 іюня ярмарку, существующую и донныѣ. По смерти Толстого въ 1790 г., Ватутинки достались его незамужнимъ дочерямъ Марей, Маріи и Варварѣ, но послѣ полного разоренія всей усадьбы, сожженной французами по выходѣ изъ Москвы въ 1812 г., дѣвицы Толстыя уступили имѣніе свое за 16,000 р. своему брату Александру Васильевичу Толстому, которому наследовала его единственная дочь Вѣра Александровна, въ замужествѣ Ивашева. Петръ Никифоровичъ Ивашевъ былъ адъютантомъ великаго Суворова и въ отечественную войну крис-коммиссаромъ дѣйствующей арміи. Такъ какъ Ивашевъ попалъ вмѣстѣ съ Суворовымъ въ немилость императора Павла при его воцареніи, то ему запрещенъ былъ въѣздъ въ столицу, почему, быть можетъ, онъ и вѣнчался въ 1797 г. въ церкви села Богородскаго. Послѣ постигшаго Ивашевыхъ семейнаго несчастія (ссылки на каторгу единственнаго сына, по дѣлу 14 декабря 1825 г.) престарѣлыя родители несчастнаго покинули Москву и смѣнили ее на свои отдаленныя сибирскія имѣнія, почему и распродали около 1827 г. какъ московскій домъ свой близъ Покровки (нынѣ больница), такъ и свое подмосковное имѣніе. Ватутинками владѣли послѣ Ивашевой года четыре княгиня Анна Григорьевна Волхонская, а за ней сестра ея Елизавета Григорьевна Ѳедорова, продавшая Богородское въ 1833 г. отцу нынѣшняго владѣльца Алексѣя Алексѣевича Плавильщикова.

По разсказамъ старожиловъ, Наполеонъ по выѣздѣ своемъ изъ пылающей Москвы 7-го октября 1812-го г. ночевалъ въ Ватутинкахъ; по другимъ же, онъ, оставивъ весь штабъ свой въ Ватутинкахъ, лично доѣхалъ до села Поливанова, гдѣ донныѣ въ барскомъ домѣ указываютъ Наполеоновскую спальню. Здѣсь же, между деревней Десной и Ватутинками, происходило 11 и 12-го октября нѣсколько значительныхъ кавалерійскихъ стычекъ между арміей Мюрата и нашимъ

арріергардомъ подъ командой Милорадовича. Вообще Калужская дорога, по которой армія Наполеона оставила Москву, усѣяна костями непрощенныхъ гостей и нѣтъ въ этой мѣстности прудочка или заваливагося колодца, въ которомъ, по преданіямъ и разсказамъ стариковъ, не заброшено было бы по нѣскольку французовъ. Съ Ватутиножъ Наполеонъ свернулъ на Ново-Оминскую дорогу, узнавъ только здѣсь, что армія Кутузова, которую онъ вовсе потерялъ изъ вида, успѣла пересѣчь ему дорогу отступленія на Калугу.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Выпись изъ писцовыхъ книгъ 1675—1678 гг. на село Ясеново съ пустошами *).

Въ книгахъ Московскаго уѣзда письма и мѣры и межеванья стольника Ивана Михайловича Афросимова да подьячаго Ивана Васильева 183, 184, 185 и 186 годовъ написано: село *Ясеново* на прудѣ, а въ немъ церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы деревянная, верхъ шатровой, съ папертью, да у той церкви церковь другая во имя святыя великомученицы-Софьи, да по правую сторону церкви внизу придѣлъ Николая Чудотворца, на паперти лѣстница восточная, а надъ нижнимъ рундукомъ верхъ шатровой; настоящая церковь и нижнія церкви, алтарь и придѣлъ и паперть крыто тесомъ, а кресты обиты бѣлымъ желѣзомъ, строеніе великаго государя, а строена во 182 году; у церкви трои двери деревянные створчатыя, въ церкви царскія двери, сѣни, столпы, да мѣстныхъ образовъ по правую сторону царскихъ дверей: образъ живоначальныя Троицы, окладъ басемной, вѣнцы и цаты чеканные золочены, пелена—дороги красныя, опушена киндякомъ зеленымъ; образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, окладъ басемной серебряной золочень, вѣнцы у Богородицына образа и у Превѣчнаго Младенца чеканные, пелена камка красная, опушена дорогами красными, да на одной цѣѣ образъ Афанасія Александрійскаго да Николая Чудотворца да Алексѣя, человѣка Божія; на лѣвой сторонѣ царскихъ дверей образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, окладъ басемной серебряной золочень, вѣнецъ и цаты золочены чеканные, пелена—дороги красныя; образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, образъ Николая Чудотворца да образъ Николая жъ Чудотворца штилистовой, окладъ серебряной басемной, вѣнецъ чеканной; на сѣверныхъ дверяхъ благоразумный разбойникъ; да

---

*) Выписано изъ производствъ Вѣдчинной Коллегіи молодыхъ лѣтъ по гор. Москвѣ, кн. 10003, дѣло 9.

въ таблѣхъ деисусы съ праздники и праотцы, прикладъ боярина и дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова прежней церкви; на престолѣ индитія атласъ цвѣтной, крестъ нашитъ круживо золотны (sic), по сторонамъ дороги красныя; за престоломъ Пречистыя Богородицы одегитрія, вѣнцы серебряные чеканные золоченые, Евангеліе печатное оболончено атласомъ краснымъ, евангелисты серебряные басенные золочены, другое Евангеліе печатное жъ ветхо, евангелисты мѣдные, крестъ благословенной обложенъ серебромъ золоченъ, распятіе чеканное золочено жъ; на престолѣ жъ пелена покровъ—дороги червчатая, опушка дороги желтая; на жертвенникѣ одежда зейдеиная, сосуды оловянные, два вадила мѣдныя, укропникъ для кадила и укропникъ чаша мѣдная, водосвятная, подавіе великаго государя; на налоѣ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, окладъ басенной, вѣнецъ чеканной серебряной; поникадило мѣдное, восемь шандаловъ, кисть золотная; передъ мѣстными иконы пять свѣтъ поставныхъ деревянныхъ, писаны красками, два подсвѣчника деревянныхъ; да книгъ: два октая, минея общая, девять миней мѣсячныхъ, апостолъ—прикладъ боярина и дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова, псалтырь со вослѣдованіемъ, двѣ тріоди—постная да цвѣтная, служебникъ, требникъ, чиновникъ; да ризъ: ризы дороги желтая, опушены тафтою зеленою, оплечье атласъ цвѣтной; ризы дороги зеленыя ветхи, подризникъ киндячный зеленый оплечье выбойчатое; патрахель, поручи—отласъ цвѣтной—подаваніе все великаго государя; колокольница на столбахъ, на ней пять колоколовъ, прикладъ колокола боярина и дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова. Въ церкви нижней у святыя великомученицы Софьи двери царскія, сѣнь и столбы да деисусовъ съ праздники, всего 14 иконъ; да за престоломъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, сѣверныя двери, написанъ на нихъ благоразумный разбойникъ, паникадило мѣдное о 12 шандалахъ; въ придѣлѣ Николая Чудотворца за престоломъ образъ Богородицы Владимірскія; сѣверныя двери, на нихъ писанъ благоразумный разбойникъ; мѣстный образъ Живоначальныя Троицы. Въ селѣ жъ государевыхъ два сада—одняъ позади церкви подлѣ государевой десятипной пашни, по мѣрѣ того сада 2 десятины безъ четверти, да къ тому-жъ саду припущено изъ государевы десятинной пашни и изъ садовничьихъ дворовыхъ усадныхъ мѣсть 3 десятины безъ полутрети десятины; а другой государевъ садъ позади крестьянской усадной земли, по мѣрѣ того сада десятина безъ четверти; у тѣхъ садовъ садовники: во дворѣ Стенка Тимофѣевъ, у него сынъ Андрюшка; во дворѣ Елисейко Ивановъ прозвищемъ Далка, у него дѣти: Савка 15 лѣтъ, Максима 7 лѣтъ, Сенька 5 лѣтъ; у него жъ

зять Мартышко Кондратьевъ; усадная земля писана межъ сего, пашни садовничьи паханые худые земли 8 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна въ пустоши *Фляшкиной* 50 копенъ; въ селѣ жъ государева воловеника дворъ, а на дворѣ изба да сушило, а подѣ сушиломъ омшеникъ да два сарая въ заборѣ, да на дворѣ жъ другой омшеникъ, дворъ огороженъ заборомъ, а въ заборѣ ворота, земли подѣ дворомъ треть десятины; государевы десятинные пашни въ томъ селѣ 32 десятины и съ тѣмъ, что припущены въ ту десятинную пашню пустоши: Акинина, Першино, Гребенкино, Дудорова, Захарово, въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и тое десятинную пашню пахать того жъ села крестьянамъ $16\frac{1}{2}$ десятинъ, а достальная десятинная пашня за переложемъ и поросла лѣсомъ. Въ селѣ жъ государево гумно, а на гумнѣ два овина, а по мѣрѣ того гумна десятина безъ полутрети. Да въ селѣ жъ Ясенева на церковной землѣ во дворѣ попъ Василій Васильевъ, во дворѣ дьячекъ Мишка Васильевъ; да что владѣли села Ясенева крестьяне Варлаамъ, Пронка, Силка Васильевы церковною землею, и на той землѣ посажено 9 деревъ яблонovýchъ, и та земля и съ яблоньми отданы жъ села Ясенева попу Василью по прежнему къ церкви, и отъ крестьянской усадьбы и поповой прежней земли отведено пашни паханые церковные худые земли 2 десятины въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по врагу Обитцу межъ крестьянскихъ покосовъ 20 копенъ да по врагу отъ пруда околичнаго до рѣчки Обитцы 30 копенъ, да по врагу жъ лужечкомъ, что прежь сего была десятинная пашня, 35 копенъ; а подѣ поповы дворы съ причетники и садовникамъ усадьба учинена вновь выше крестьянскихъ дворовъ подлѣ московской дороги, а прежнія усадьбы взяты подѣ садъ великаго государя; а новыхъ церковныхъ мѣсть двумъ попамъ, дьячку, пономарю, просвирницѣ длиннику 40 сажень; попережь 30 сажень, поповы дворы попережнику по 8 сажень, дьячку 6 сажень, пономарю и просвирницѣ по 5 сажень, а подлѣ тѣхъ мѣсть вымѣрены усадьбы садовникамъ Стенкѣ Тимофѣеву да Елисейку, прозвище Жданка, Ивану попережнику по 6 сажень, а длинникъ съ церковными вмѣстѣ, а поповы и крестьянскіе дворы отъ церкви въ 25 саженьяхъ. Въ селѣ Ясенева жъ крестьянъ... *(слѣдуетъ перечень крестьянъ съ обозначеніемъ возраста несовершеннолѣтнихъ)*. Подѣ дворами и огородами усадной земли $8\frac{1}{2}$ десятинъ, животиннаго выкусу въ пустоши Акининой $4\frac{1}{2}$ десятины, пашни паханые худые земли 100 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по обѣ стороны рѣчки Обитцы отъ рубежа стольника Федора Абросимова сына Лодыженскаго деревни его Садковъ вверхъ по поповы сѣнные жъ

покосы села Ясенева $7\frac{1}{2}$ десятинъ, сѣна жъ на вершинѣ рѣчки Обитцы и по врагу Таратинскому, который врагъ промежь пустошей Таратиной и Першиной и Гребенкиной, 30 копенъ, да по врагу Ямчинскому выше Обитцова, а пониже другого врага позади десятинной пашни и подлѣ помѣщичьей земли деревни Фроловы 50 копенъ, да межъ поль и по лоскомъ 250 копенъ, да по гребенкинскому оселку и около оселка 35 копенъ, да по Дудоровскому врагу 40 копенъ. Къ селу жъ Ясеневу пустоши: п. *Козлова* пашни паханые худые земли четверть да лѣсомъ поросло 15 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по оселку и около оселка и по рѣдкоберезью 100 копенъ, впусти въть безъ трети выти. П. *Черная* на вершинѣ Таратинскаго врага, подлѣ земли Юрья Лодыженскаго деревни Бачуриной пустоши его Щетинкиной, пашни паханые худые земли четверть да лѣсомъ поросло 15 ч. въ п., а въ д. по т. жъ, сѣна по оселку и около оселка и по рѣдкоберезью 90 копенъ; пашню пашутъ и сѣно косять села Ясенева крестьяне Варламко Васильевъ съ товарищи, впусти въть безъ трети выти. П. *Лисицыно* на рѣчкѣ Обитцѣ, у рубежа Михаила да Петра Измайловыхъ, пашни лѣсомъ поросло худыя земли 15 ч. въ п., а въ д. по т. жъ, сѣна по оселку и около оселка 20 копенъ; впусти полвыти и полчети выти. Пустошь *Зубова* у большой Калужской дороги, пашни лѣсомъ поросло худые земли 40 четвертей въ п., а въ дву по тому жъ, сѣна по оселку и около оселка 150 копенъ, впусти двѣ выти безъ трети выти. П. *Таратина* на врагѣ, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло худыя земли 15 четвертей въ п., а въ дву по тому жъ, сѣна на оселкѣ и по врагу 20 копенъ, впусти полвыти и полчети выти. П. *Марьина* на Мартыновскомъ врагѣ у рубежа Андрея да Федора Безобразовыхъ, пашни паханые худые земли 2 ч. да лѣсомъ поросло 24 ч. въ п., а въ д. по т. жъ, сѣна 30 копенъ, впусти въть и полполтрети выти. П. *Коротшево*, пашни паханые худые земли 4 ч. да перелогу и лѣсомъ поросло 10 ч. въ п., а въ д. по т. жъ, сѣна по рѣчкѣ Чертоновеѣ 20 копенъ, впусти полвыти и полполтрети выти. Да къ селу жъ Ясеневу пустоши: Фляшвина на вершинѣ рѣчки Чертоновки межъ земли Андрея да Федора Безобразовыхъ пустоши Дубинкиной и противъ пустоши Гривеновъ, пашни паханые худые земли 4 ч. да лѣсомъ поросло 4 жъ ч. въ п., а въ д. по т. жъ, сѣна по вершинѣ рѣчки Чертоновки 50 копенъ, пашню пашутъ и сѣно косять села Ясенева садовники Стенка Тимофѣевъ, Елисейка Ивановъ, прозвище Жданко, вмѣсто денежнаго хлѣбнаго жалованья; впусти треть выти. П. *Смомино*, на вершинѣ Смоленскаго врага противъ пустоши Гребенкиной

и подлѣ дороги Лукомской, смежна столбника Федора Обросимова сына Лодыженскаго деревни его Садковъ, пашни перелогомъ третникъ да лѣсомъ поросло 11 ч. безъ третника въ п., а въ д. по т. жъ, впусѣ полвыти безъ полполполтрети выти; а въ книгахъ Петра Новосильцова тѣхъ пустошей не написано. *Всего въ селѣ Ясеневъ*: господаревыхъ два сада, подъ садами земли 5 десятинъ съ третью, дворъ поповъ, дворъ дьячковъ, да впредь быть двору попову, двору пономареву, двору просвирицыну; два двора садовниковыхъ, людей въ нихъ тожъ, у нихъ же дѣтей и зятьевъ 5 человекъ; 26 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ, у нихъ же дѣтей и братьей и племянниковъ и внучатъ и зятьевъ и шурьевъ и пасынковъ и захребетниковъ 62 человекъ; усадной церковной и садовничьи и крестьянской земли 10 десятинъ, животиннаго выпуска 4½ десятины, пашни церковные худые земли 12 четвертей въ п., а въ д. по т. жъ, сѣна 85 копенъ; садовничьи пашни паханые худые земли 8 четвертей да ихъ пашни паханые худые земли пустошь Фляшкина 4 четверти да лѣсомъ поросло 4 четверти въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 50 копенъ, пашни паханые крестьянскіе худые земли живущихъ вытей 66 четвертей да пустыхъ вытей 34 четверти въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 7½ десятинъ, да сѣнныхъ же покосовъ въ разныхъ мѣстахъ 455 копенъ волоковыхъ, въ живущемъ три выти безъ чети выти, впусѣ полторы выти безъ полполтрети выти; да къ селу жъ семь пустошей, опричь тѣхъ пустошей, что дано попу да садовникамъ, а въ нихъ пашни паханые худые земли 8 четвертей да лѣсомъ поросло 130 четвертей въ полѣ, а дву по тому жъ, сѣна 540 копенъ, впусѣ 6 вытей безъ чети выти; денежныхъ доходовъ съ живущихъ вытей, оброковъ и пошлинъ 22 алтына полшести деньги, сошнаго письма въ живущемъ полполчети сохи, и не дошло въ сошное письмо 9 четвертей пашни, ямскихъ денегъ 16 алтынъ 3 деньги, съ пустыхъ вытей за выдѣльной хлѣбъ 17 алтынъ, за прикащиковъ доходъ 9 алтынъ съ деньгою, за ягоды 4 алтына полчетверты деньги, за намѣрное полтевое свиное свѣжее мясо Рождественскаго мясоѣда рубль 21 алтынъ 4 деньги, съ пустошей за выдѣльной хлѣбъ и за сѣнные покосы 8 рублей 17 алтынъ 2 деньги; всего всякихъ денежныхъ доходовъ 11 рублей 32 алтына 3 деньги; и прибыло изъ пуста въ живущее выть безъ чети выти да платить увоснаго 11 копенъ мѣрныхъ сѣна, а косить имъ то сѣно въ своихъ угодьяхъ оброчныхъ по 4 сажени съ полчетью сажени дворъ (sic); въ селѣ и въ пустошахъ впусѣ 8 вытей безъ чети и малая треть выти, сошнаго письма впусѣ полтрети сохи, и не дошло

въ сошное письмо 30 четвертей пашни Да въ приправочныхъ книгахъ написано: къ селу жъ Ясенеvu пустошь *Кленино*, и та пустошь продана въ вотчину изъ приказа Большаго Дворца стольнику Ивану Кольчеву во 137 году.

II. Жалованная вотчинная грамота отъ 11 января 1690 г. Ѳедору Абрам. Лопухину на село Ясенево съ пустошами.

Господа всякихъ благъ, виновнаго во единствѣ естества и во тріехъ ипостасѣхъ славимаго и поклоняемаго, благостию и благоволеніемъ, мы, пресвѣтлѣйшіе и дрежавнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, по нашему царскому милосердому осмотрѣнію, пожаловали боярина нашего Ѳедора Аврамовича Лопухина за его службу ко отцу нашему великихъ государей блаженные памяти къ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, и къ брату нашему великихъ государей блаженные памяти къ в. государю царю и в. кн. Ѳеодору Алексѣевичу, всеа В. и М. и Б. Росіи самодержцу, и къ намъ, в. государемъ, царемъ и в. княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа В. и М. и Б. Росіи самодержцемъ, да и за сіе, понеже благодатию Всемогущаго Спасителя нашего, въ Троицѣ славимаго Бога, по неизреченнымъ и праведнымъ его судьбамъ изволили мы, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа В. и М. и Б. Росіи самодержецъ, избрати себѣ въ супружество законнаго брака рожденную его дочь, сподобшуюся нынѣ за нами, в. государемъ царемъ и в. княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, всеа В. и М. и Б. Росіи самодержцемъ, быти великую государыню благовѣрную царицу и великую княгиню Евдокію Ѳеодоровну; и нынѣ онъ, бояринъ нашъ Ѳедоръ Аврамовичъ, оставя домъ свой и всякое упокоеніе, у насъ, великихъ государей, въ нашемъ царскомъ дому пребывая неотступно, намъ, великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа В. и М. и Б. Росіи самодержцемъ, во всякихъ ему отъ насъ, в. государей, врученныхъ дѣлахъ служить вѣрно и безкорыстно и нашего в. государей здравія оберегаетъ, яко зеницу ока, со всякимъ радѣніемъ, велѣли ему, боярину нашему Ѳеодору Аврамовичу, дать въ вотчину изъ нашихъ дворцовыхъ селъ въ Московскомъ уѣздѣ село *Ясенево* со крестьяны и съ пашнею и съ сѣнными покосы и со всѣми угоды. А по писцовымъ книгамъ стольника Ивана

Афросимова да подъячаго Ивана Васильева 183, 184 и 185 годовъ въ томъ селѣ Ясеневи 26 дворовъ крестьянскихъ, 2 двора садовничьихъ, 2 сада, подъ садами земли 5 десятинъ съ третью, усадные садовничьи и крестьянскіе худые земли 8 $\frac{1}{2}$ десятинъ да выпускной земли въ пустоши *Акинниной* 4 $\frac{1}{2}$ десятины, десятинные пашни 82 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, въ дворцовую мѣру и съ тѣмъ, что припущено въ ту десятинную пашню п. *Акиннино*, п. *Першино*, п. *Гребенкино*, п. *Дурово*, п. *Захарово*, садовничьи и крестьянскія пашни паханья худыя земли 108 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣнныхъ покосовъ 7 $\frac{1}{2}$ десятинъ, да въ разныхъ мѣстахъ 455 копенъ волоковыхъ; да къ тому жъ селу Ясеневу пустоши: п. *Фляжкино*, п. *Козлово*, п. *Черное*, п. *Лисицыно*, п. *Зубово*, п. *Таратино*, п. *Марьино*, п. *Коротосево*, п. *Смолино*, всего девять пустошей, а въ нихъ пашни паханые и перелогомъ и лѣсомъ поросло 161 четверть въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 481 копна волоковыхъ; а по отказнымъ книгамъ приказа Большаго Дворца подъячаго Козмы Губарева 197 года, какъ то село, по нашему великихъ государей указу, отказано въ вотчину ему, боярину нашему Федору Аврамовичу, въ селѣ Ясеневи садовничьихъ и крестьянскихъ 28 дворовъ, а земли подъ дворами и въ огородахъ, и въ огуменникахъ, и въ конопляникахъ, и четвертная десятинная и крестьянская и въ пустошахъ пашня, и перелогъ, и лѣсъ пашенной и непашенной, и сѣнные покосы, и всякія угодья по вышеписаннымъ писцовымъ книгамъ 185 года. И на ту вотчину мы, великіе государи и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа В. и М. и Б. Россіи самодержцы, велѣли ему, боярину нашему Федору Аврамовичу, дать сію нашу царскую жалованную грамоту за нашею царскою красною печатью. И по нашему великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа В. и М. и Б. Россіи самодержцевъ, жалованью, та вотчина ему, боярину нашему Федору Аврамовичу, и его дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ, и въ роды ихъ неподвижно; и въ той вотчинѣ онъ, бояринъ нашъ Федоръ Аврамовичъ, и дѣти его, и внучата, и правнучата по сей нашей царской жалованной грамотѣ вольны продать и заложити и въ приданые дать; а въ монастыри тое вотчины не отдавать. А буде у нихъ роду не останется, а та вотчина останется не продана и не заложена и въ приданые не отдана, и та вотчина взять на насъ, великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа В. и М. и Б. Россіи самодержцевъ, въ дворцовыя земли. Писана ся

наша царская жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ пре-
имянитомъ великомъ градѣ Москвѣ дѣта 7198 генваря въ 11 день.

У подлинной грамоты внизу подписано тако: въ книгу записана
апрѣля въ   день. Да на оборотѣ подписано: по указу в. государей
царей и в. князей Юанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа
В. и М. и Б. Росіи самодержцевъ, подписалъ сію ихъ государскую
жалованную грамоту дьякъ Григорій Посниковъ. Справилъ Петрушка
Звѣздинъ.